

На всех и беда одна

Трагедия в Кемерово всколыхнула всю страну. Пока идет следствие и выясняются все подробности случившегося в торговом центре «Зимняя вишня», эксперты спорят о технических аспектах, а с обществом происходит значимая перемена. Люди отреагировали на случившееся трезво, взросло и ответственно: регионы объявляли траур, в Сети пресекались «вбросы», не останавливался сбор средств пострадавшим. Страшный пожар — на ровном месте, с десятками жертв — заставил в очередной раз заговорить о будущем. Безопасность детей, отношение к человеческой жизни, сбережение нации — эти темы вытеснили из информационной повестки и внешнюю политику, и развлекательные сюжеты. Главным вопросом становится сейчас обустройство страны — как сделать ее не только сильной и великой, но и благоприятной для собственных граждан, и можно ли вообще это совместить? Готового ответа не существует, сиюминутных простых решений нет, и, кажется, впервые после катастрофы это понимает значительная часть общества, которая требует не наказывать первых, кто под руку попадет, а увидеть и осмыслить суть проблемы. **3**

«Женовачу будет очень тяжело»

Одной из самых обсуждаемых тем этой недели стало известие о назначении на пост художественного руководителя МХТ имени Чехова основателя и бессменного главного режиссера «Студии театрального искусства» (СТИ) Сергея Женовача.

Какова будет политика нового главы МХТ? Каким путем поведет он Художественный театр, да и как сложатся отношения со звездной труппой? Вопросов пока значительно больше, чем ответов, что неудивительно, так как МХТ имени Чехова — не просто сценическое пространство. За все время своего существования Художественный театр не раз подтверждал право называться главной драматической сценой страны. Он все-

гда задавал тренды, во многом определяя, как будет развиваться театральная действительность. Так что от того, кто встанет у руля МХТ, зависит судьба не одного конкретного коллектива. Несколько лет назад в интервью нашей газете Женовач сказал: «Театр — это в первую очередь художественный лидер. Менеджер, интендант может создать генеральные условия для работы, но он не может родить сценическую идею. Эти люди явно преувеличивают свои возможности. Режиссер — это совершенно особое мышление. Научить нельзя, можно создать некие условия. Ведь поставить один-два спектакля способен любой интеллигентный, умный человек. А чтобы стать режиссером, надо воспитывать в себе структурное мышление, ощущение целого, чувство композиции». **2**

Денис Родькин: «Со Светланой Захаровой мы стали родными людьми»

Елена ФЕДОРЕНКО

Для премьеры Большого театра Дениса Родькина нынешний март оказался богат важными событиями: только что он станцевал Вронского в балете Джона Ноймайера «Анна Каренина» и получил вест о присуждении премии президента для молодых деятелей культуры за вклад в сохранение, приумножение и популяризацию достижений отечественного хореографического искусства.

культура: Какие эмоции испытали, узнав о награде?

Родькин: Очень приятные, потому что фактически это признание того, что я сделал за семь лет в Большом театре. Премия меня абсолютно не расслабляет, наоборот, заставляет идти дальше и доказывать, что получил ее заслуженно. Зрители ведь будут смотреть и думать, достоин ли.

культура: Награды влияют на артистическую жизнь?

Родькин: Чем больше премий и выше регалии, тем сложнее на сцене — ошибки тебе прощать уже никто не будет. Вообще, награды помогают хотя бы тем, что подогревают интерес к имени. **8**

Семен Чудин — Каренин, Григорий Иконников — Сережа, Светлана Захарова — Анна Каренина

Юрий Белановский: «Волонтеры не проповедают, они помогают»

Андрей САМОХИН

Если ввести в Сети запрос «как стать волонтером», то поисковики первой, сразу после рекламы, дадут ссылку на сайт «Даниловцев». Это движение, десять лет назад вышедшее из стен одноименного монастыря в Москве, помогло сотням тысяч людей. Добровольцы заняты в больницах, сиротских учреждениях, психоневрологических интернатах, а также поддерживают инвалидов, пожилых людей, многодетные семьи, бездомных и заключенных.

Коридоры Психоневрологического интерната № 30 в Чертаново пусты. Воскресенье. Огромное, хорошо отремонтированное здание с переходами, вокруг — обширный заснеженный парк, за ним высокие стены. Учреждение это закрытое, в нем живут около тысячи человек, признанные частично или полностью недееспособными.

Небольшую волонтерскую группу даниловцев, которую координирует Марина Рис, выпускница юрфака МГУ и директор благотворительного фонда «Просто люди», их подопечные с радостью встречают еще на подходе. Интеллектуальное развитие и эмоциональные реакции у этих взрослых близки к 7–10-летнему возрасту. **11**

Женщина, которая живет
Не валить в одну кучу
Выпускайте кракена
Старший сын лейтенанта
Шмида
«Авторское право» **7**

ПОРЯДОК
ЧТЕНИЯ
Нужен ли школам
«государственный»
список литературы? **5**

СОШЛИСЬ
КРАСНЫМ
КЛИНОМ
Витебск
в Париже **6**

АЛЕКСАНДР
МИТТА:
«На успех
картины работает
алхимия трех-
четырёх жанров» **9**

16 плюс

ISSN 1562-0379

9 771562 037001

180 10

«Женовачу будет очень тяжело»

1 При этом Сергей Васильевич подчеркивал: «Занятие театром — коллективное творчество, тут много участников. Один человек ничего в театре сделать не в состоянии, только слушая и воспринимая друг друга, люди приходят к чему-то новому. Когда же побеждает режиссер, а все остальные его обслуживают, или один центральный артист окружен «гарниром», или художник все под себя подмял — для меня это не искусство драматического театра». Вот и сейчас на все вопросы Женовач отвечает дипломатично и уклончиво, обещая обойтись без революций: «Да, ситуация непростая. Как и всегда, когда происходит перемены. Я четко понимаю, что, если за это дело братья, нужно прежде всего только спокойствие. Я — за эволюционный путь. Есть память большого мастера. Не прошло еще сорока дней. Я буду пока ходить смотреть спектакли, встречаться с людьми. Все планы, которые задумали Олег Павлович Табаков и его команда, должны воплотиться. А новый сезон уже будем сочинять, думать. Для того чтобы включиться в этот процесс, мне нужна небольшая пауза, как, собственно, она нужна и театру». И хотя в свои полномочия Женовач вступил лишь 23 апреля, мы попросили ведущих коллег Сергея Васильевича прокомментировать назначение.

Римас ТУМИНАС, худрук Театра имени Вахтангова: — Для меня стало неожиданно, что Министрство культуры посоветовалось с нами, театральным сообществом, по поводу кандидатур на пост художественного руководителя МХТ им. Чехова. Мы почувствовали себя одним единым целым. Я уже выразил свои «соблазновения» Сергею Женовачу, потому что сам прошел схожий путь в Театре имени Вахтангова. Ему предстоит испытание. Он

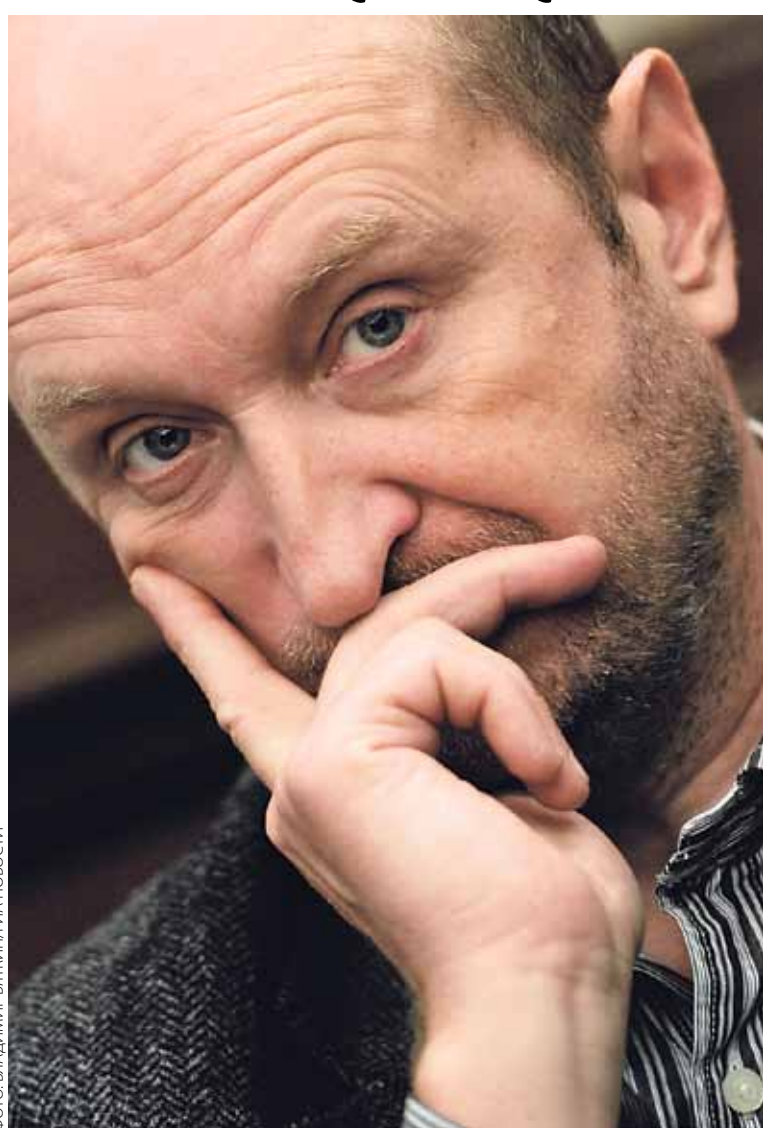

ФОТО: ВЛАДИМИР ШАРФУДИНОВ/ТАСС

большой режиссер, профессионал своего дела, и это всем понятно. Главное, что он человека любит, а значит, со временем ему ответят взаимностью. Он будет хорошим руководителем. Внесет в театр любовь, сочувствие, тонкость. Это, мне кажется, самое важное для труппы МХТ.

Константин БОГОМОЛОВ, режиссер: — Ничего не могу сказать о том, как восприняла назначение труппа Московского художественного театра. Это очень большой и сложный коллектив. Каждый — самостоятельная личность. Лично я желаю Сергею Васильевичу удачи. Он прихо-

дит в очень непростую труппу, и это потребует от него немалых психологических и дипломатических затрат. Надеюсь, что он сохранит наследие Олега Павловича Табакова и приумножит его. Но, конечно же, я не могу знать намерений нового худрука. Он самостоятельный, сильный режиссер со своим видением театра. Вскоре МХТ поимет позицию и политику нового руководителя.

Авангард ЛЕОНТЬЕВ, народный артист России, актер МХТ им. Чехова: — Мы решили наше семейное собрание не комментировать. Сергей Васильевич — хороший,

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРФУДИНОВ/ТАСС

большой режиссер. С моей точки зрения, его приход в Художественный театр был бы очень полезен, но, повторю, это мое личное мнение. Собрание наше было внутренним, никаких деклараций принято не было. Так что все тихо и спокойно.

Евгений ПИСАРЕВ, худрук Театра им. Пушкина: — Думаю, что Сергею Женовачу будет очень тяжело на посту художественного руководителя МХТ им. Чехова. Он, бесспорно, большой мастер, прекрасный педагог и режиссер. Но Художественный театр за годы управления Олегом Павловичем Табаковым заметно раз-

росся. Сегодня это самый большой театр с многочисленной звездной труппой. И тут очень важно, кто войдет в связке с Сергеем Женовачом в качестве директора, кто будет отвечать за строящийся филиал и уже действующие сцены, будет поддерживать его начинания. Сергею Васильевичу — терпения и удачи.

Сергей ГОЛОМАЗОВ, худрук Театра на Малой Бронной: — Немного непонятна такая торопливость в назначении Сергея Васильевича на пост худрука МХТ им. Чехова: уж больно серьезный вопрос. Я чи-

тал оценки самого Женовача о том, что такие предложения бываю раз в жизни. Да, согласен, такое выпадает единожды, но ему придется очень трудно. Дай Бог, чтобы ему хватило сил, выдержки и терпения. Таланта ему не занимать. Очень важно, что будет рядом с ним в качестве директора. От того, кто станет второй ключевой фигурой, зависит очень многое.

МХТ имени Чехова — в некотором роде конгломерат. У меня однажды была короткая творческий разговор с Табаковым: он сказал, что исповедует тотальный театр. И надо сказать, что это действительно так. В Художественном театре ста-

вили самые разные режиссеры, а их спектакли эстетически находились в некотором конфликте. Но при этом все было прекрасно. Из этого и состоял театр. То, что дела Табаков, как строил репертуар, в результате повело театр в очень интересный направлении. Хотелось бы, чтобы эта традиция была продолжена. Как мне кажется, это было бы правильно. Ну а там посмотрим. Может быть, Женовач предложит иной эстетический и вкусовой путь развития, но тогда ему придется многое поменять. Правда он декларировал, что революции не случится. Будем надеяться на лучшее.

Лишних билетов нет

Александр АНДРЮХИН

27 марта, в Международный день театра, в Москве прошла пресс-конференция, посвященная борьбе с билетной мафией. «Культура» подробно писала об этой проблеме в материале «Не надо спекуляций» (19.05.2017).

Сколько людей посещают театры и какие суммы они готовы платить за приобщение к искусству, стало ясно благодаря запущенной единой электронной системе продажи билетов. К примеру, в период с января по февраль этого года театральные учреждения посетили 854 839 граждан. Общий объем составил 1,3 млрд рублей. То есть в среднем за эти два зимних месяца зритель потратил на походы в театры более 1,6 тысячи рублей.

Присутствующий на пресс-конференции руководитель ГАБТ Владимир Урин признался журналистам, что когда впервые увидел эту статистику, то его резанул такой факт, что стоимость на спектакли в Большой втрое превышает цены на билеты в другие известные театры страны, например, в ту же Мариинку.

— Хотя слухи о запределных билетах в наш театр сильно преувеличены, — тут же поправился Урин. — Средняя цена — 4300 рублей. Конечно, выше, чем по стране. Но нужно учесть, что у нас работают три тысячи человек, и им нужно платить зарплату. Самые дорогие билеты у нас не превышают 15 тысяч рублей.

Только в новогодние праздники, когда идет «Щелкунчик», цена может доходить до двадцати тысяч. Но это максимум. Когда мне говорят, что на сайтах-клонах билеты на «Щелкунчик» реализуются по 800 евро, я верю. С перекупщиками мы боремся давно, но наткнемся на правовые ограничения. Хотя продажа билетов по паспортам и не более двух в одни руки (причем с сайта тоже) возымела некоторый успех. Если раньше билеты на «Щелкунчик» исцезали из кассы уже на третий день после начала продаж, то в этом году их можно было купить даже в новогодние каникулы, причем по средней стоимости — восемь-девять тысяч. Но даже такие цены недоступны для студентов. А интеллигенцию мы ценим и такую публику терять не хотим. Для них мы (правда, в ограниченном количестве) продаем билеты по паспортам от 200 до 700 рублей.

Только чересчур дешевыми, по словам Владимира Урина, билеты в театры

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРФУДИНОВ/ТАСС

быть не должны — иначе их повысят перекупщики.

По мнению худрука театра «Модерн» Юрия Грымова, ничто так не обесценивает и не опускает до ширпотреба театральное искусство, как дешевые билеты.

— Театр — это роскошь! А за роскошь нужно платить, — эмоционально заявила он журналистам. — Создание постановки и игра на сцене — удовольствие дорогое. У меня только в одном спектакле «Юлий Цезарь» задействовано 40 человек. И 25 — за сценой. Средняя цена за билет в нашем театре 2,5 тысячи рублей. Максимальная — пять тысяч. По сути, спекулянты, которые наживаются на перекупке билетов, — трутни. Они не вкладывают в постановки ни копейки и не затрачивают особого труда на перепродажу.

Эта несправедливо. Хотя во всем мире существует биржа билетов. Когда заканчивается время продаж, скажем, в парижских театральных кассах, цены тут взлетают с 200 евро до 900. Можно сказать, что российские перекупщики выполняют функцию билетной биржи. Это не самое ужасное. Плохо то, что у нас не реализованные билеты можно сдать обратно в кассу согласно закону «О защите прав потребителей». Представьте, спекулянт скупает все билеты на премьеру, а за час до начала спектакля сдает их обратно в кассу. В результате — пустой зал! Иначе как диверсией такое не назовешь!

По словам Грымова, в этом отношении рассматриваемый парламентом законопроект обезопасит коммерческие риски культурных учреждений, поскольку возврат билетов в кассы в нем выведен из

федерального закона «О защите прав потребителей». Согласно документу, каждый театр будет сам устанавливать правила по возврату билетов.

Впрочем, не все присутствующие с оптимизмом отнеслись к закону об ужесточении наказания за перекупку билетов.

— Сама идея ограничить деятельность спекулянтов законодательно прекрасная, — выразил мнение бывший заместитель гендиректора Большого театра, а ныне гендиректор Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко Антон Гетьман, — но очень сомневаюсь, что это возымеет действие. Говорю, исходя из своего опыта работы в Большом театре, который выиграл шесть процессов по сайтам-клонам. Но что толку? Ни одного решения суда не было исполнено. Еще на стадии рассмотрения дела мошеннические сайты исчезли, и следом появлялись такие же, с какими-то незначительными изменениями. Если закон действительно заработает, я буду только счастлив.

В целом же, по его словам, рассчитать цены на билеты за тот или иной спектакль — это непростое искусство. Если их продавать ниже рыночной цены, театр будет кормить спекулянтов. Если выше — билеты останутся лежать мертвым грузом. Спекулянты в ценообразовании очень неплохо подкованы и, пользуясь успехом театральных премьер, прощитывают, какие деньги может выложить зритель за новинку.

По большому счету доходы театральных учреждений завысят от ежедневной работы над постановками, —

напомнил Антон Гетьман. — Чисто по-чиновнически, в отрыве от театрального процесса вопросы с ценообразованием решать нельзя.

Коллегу поддержал директор Театра имени Маяковского Леонид Ошарин, добавив, что расчет цен на билеты не только для каждого театра, но и для каждого спектакля сугубо индивидуальный. — Угаданными считаются такие цены, когда за два-три дня до начала спектакля все билеты в кассе распроданы, — сказал он. — Если они раскупаются за три-четыре недели — значит, с ценами перешили. Если остались не проданными — завысили.

Кстати, билеты в Театр Маяковского не очень дорогие — от полутора до двух тысяч рублей. Самая высокая цена на лучшие места — пять тысяч рублей.

— Повышать уже нельзя, — развел руками Ошарин. — А нам, чтобы выполнить «дорожную карту», нужно поднять цены на 15 процентов.

Поясним, что «дорожная карта» для театров — это программа по исполнению майских указов президента. Речь идет о повышении зарплат деятелям искусства. Она не должна быть ниже средней в регионе.

Собравшиеся согласились с тем, что в провинции дела с «дорожной картой» обстоят намного хуже. Например, в Орле средняя цена театральных билетов составляет 250 рублей, и увеличить ее невозможно — тут же опустеют и без того не слишком заполненные залы. Но такие театры выручают большие гастроли по столичным и другим небедным городам, где они могут продавать билеты по столичным ценам.

Как бы там ни было, в одном руководители театров единодушны — ценообразованием должны заниматься сами театры, а не билетные спекулянты. В этом отношении на подготовленный законопроект возлагаются большие надежды. Согласно ему билеты в культурные учреждения выше номинальной стоимости попадают под запрет. Право на их реализацию будут иметь только организации, заключившие договоры с театрами и музеями. За незаконную продажу предусмотрены весьма крупные штрафы: для физических лиц — от 100 до 300 тысяч рублей, для юридических — от 700 тысяч рублей до миллиона. Если же театральные агентства рискнут продавать билеты выше номинальной стоимости, граждане могут направить жалобу в Роспотребнадзор, который, кроме прочего, возбудит свое административное дело.

Приглашение к участию в торгах
Российская Федерация получила заем 7999-RU от МБРР для реализации проекта «Сохранение и использование культурного наследия в России», часть средств займа будет использована на выплаты по контракту CHS/VMY-1(g) «Поставка комплексной унифицированной системы обеспечения сохранности и безопасности музейных предметов для Музея-заповедника «Ялала» (далее — КСБ). Государственное бюджетное учреждение культуры Ленинградской области «Выборгский объединенный музей-заповедник», реализующее в рамках проекта подпроект «Оснащение Ильичевского филиала «Ялала» Государственного бюджетного учреждения культуры Ленинградской области «Выборгский объединенный музей-заповедник» комплексной унифицированной системой обеспечения сохранности и безопасности музейных предметов», приглашает правомочных и квалифицированных участников подать запечатанные конкурсные предложения на поставку КСБ. Торги проводятся по процедуре национальных конкурсных торгов руководства МБРР. Квалификационные требования к участникам указаны в документации для торгов. Документация может быть получена после направления заявки по адресу: СПб, ул. Чапаева, д. 9, лит. А, тел.: (812) 648-02-04, контактное лицо: Григорьев С.Ю., grigoriev@fsp.spb.ru. Предложения должны быть доставлены по адресу: Фонд инвестиционных строительных проектов Санкт-Петербурга, 197046, Санкт-Петербург, ул. Чапаева, д. 9, лит. А, не позднее 11.30 (мск) 14.05.2018 г. Опоздавшие предложения будут возвращены не вскрытыми. Вскрытие конвертов с предложениями состоится в присутствии участников торгов в 11.35 (мск) 14.05.2018 г. по адресу подачи предложений.

КУЛЬТУРА
Духовно-просветительский портал

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редактор: Михаил Бударгин

Руководитель направления «Литература и искусство»: Ксения Позднякова

Ответственный секретарь: Александр Курганов
Дизайнер: Наталья Вайнштейн

Адрес редакции: 127055, Москва, ул. Новослободская, д. 73, стр. 1
Телефоны для справок: +7 (495) 662-7222

e-mail: info@portal-kultura.ru
Печать и распространение: +7 (495) 602-5512

Газета распространяется в России (включая Республику Крым и Севастополь), Азербайджане, Беларуси, Грузии, Таджикистане
Общий тираж 40 155

Отпечатано в ЗАО «ПК «ЭКСТРА М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, г. Красногорск, а/д «Балтия», 23 км, вл. 1, д. 1. Заказ № 18-03-00346
Подписано в печать 29 марта 2018 г., по графику: 14.45, фактически: 14.20

Страна для пассажиров с детьми

Михаил БУДАРАГИН

2018 год обозначил важную тенденцию, ее стоит проговорить именно на фоне того ужаса, в который все мы погрузились, читая новости из Кемерово. Сотни тысяч свечей в десятках городов, мягкие игрушки на снегу, слезы, бесконечные обсуждения в социальных сетях — неподдельная скорбь. Когда такой кошмар, как удержаться.

Однако трагедии были и раньше. Не менее чудовищные. Но со времен Беслана подобной реакции вспомнить трудно. Однако захват заложников в провинциальной школе был связан с войной. Бандиты мстили России за поражения на Кавказе, и потому события тех страшных дней чувствовались как линия фронта. Кемерово — иной случай: какая война в шахтерском городе? Кто с кем сводил счеты? Время мирное, спокойное.

На ровном месте погибли дети, закрытые в горящем ящике, — и народ вышел на улицы, взялся за телефоны, открыл ноутбуки.

Ненадолго вернемся на несколько месяцев назад, в 2017-й. О чем спорили? О том, стоит ли показывать на большом экране кино о давно умерших царе и балерине. О том, хорошо ли жилось в 1970-е. А в 1910-е? А что делать с 1985-м? Прошлое было главным содержанием, смыслом и целью. Так ли мы жили? Не пора ли вернуться? Полемицировали всерьез, чуть ли не до драки.

Сегодня возвращаться некуда. Прошлое спрессовалось и осталось тем, кому положено им заниматься — историкам. Общественное мнение солидаризовалось в главном: есть фигуры национальной славы (из года в год имена не меняются — Пушкин, Сталин, Гагарин, Высоцкий etc), а остальное — детали.

Теперь, когда мы наконец взглянули в настоящее, чтобы понять, каким нужно сделать будущее, выяснилось, что дети — те, ради кого все и затевается, — не защищены. Они бродят по торговым центрам брошенные, остаются в кинозалах одни, и оказывается, что бытовое, обывательское «все ради детей» — пустой звук.

Это — точка перелома, очень страшная, знаковая.

Соцопросы долгое время фиксировали, что сограждане самым важным считают объединенные «дом и семья»: не нужно нам амбициозных планов и свершений, дайте детские площадки и отстаньте, будем растить наследников. Страна выглядела как поезд, где все бьются за места для пассажиров с детьми, не слишком заботясь о том, куда эта машина едет, есть ли у нее тормоза и готовы ли огнетушители. Можно уссесться и спорить о том, хороша ли была при генсеке колбаса. И изредка придираться к тому, что обшивка кресел — не того цвета, глаз режет.

Кемерово выдернуло всех из сонного покачивания. Опытным путем выяснилось, что пассажирами быть — себе дороже, и люди в Кемерово с площадки отправились в морг, чтобы развеять слухи о количестве погибших, а в социальных сетях начали собирать импровизированные дружины — пора ходить по торговым центрам и смотреть, а все ли двери открыты.

Конечно, не все. Но и это только начало. Дело не в том, обеспечивается ли эвакуация в местах массового скопления, правильно ли построено здание и на своем ли месте городские чиновники, отвечающие за выдачу разрешений на строительство. Дело в том, что впервые подобные вопросы стали жизненно важными.

Успокаиваться рано. И думать о том, что жизнь упрется навсегда в детскую площадку, нельзя. За это знание заплачено дорого, но жизнь в стране сдвинулась от прошлого к будущему только сейчас.

Разумеется, все не изменится завтра же. Торговые центры не станут возводить так, чтобы из них можно было выбраться. Не пропадут и охранники, ничего не делающие и не умеющие. Останутся те, кто будет закрывать двери. Но появятся и те, кто станет их открывать. Найдутся и те, кто пойдет проверять, действительно ли работает пожарная сигнализация.

Дети сами не вырастут, и впервые общество ударило током от того, что если оставить потомкам в наследство лишь сгоревший торговый центр в чистом поле, то это будет тотальным поражением. Мы все еще пассажиры, но мы уже напутаны, и это первый шаг тяжелого пути в будущее.

И вот очередной бизнес-начальник велит «поджаться». Ему надо строить гольф-академию на новой родине — в Австралии, а там не забалуешь. Услужливые менеджеры и подставные владельцы спешат сэкономить на чем только можно — повар, заведующий электропроводкой, противопожарная система побюджетнее, охрана подешевле, облицовка экономичная, зато хорошо горящая. А чтобы государство не придиралось — взятки и взяточки, отстаньте, «мы — малый бизнес».

Сама ситуация «проверочных каникул», из-за которых не удалось своевременно выявить угрозу, тоже свидетельство управленческого кризиса. Фактически мы признали: все ко-

На всех и беда одна

Егор ХОМОГОРОВ

События в Кемерово стали национальной трагедией. Не дожидаясь федерального решения, регионы начали объявлять траур, люди стали помогать пострадавшим. Говорить о пожаре в «Зимней вишне» нечеловечески трудно. «Не плакать, а реветь хочется» — эти слова Владимира Путина в полной мере передают всю степень общего горя.

Погибли дети, в огне и дыму пропали целые семьи. Эту боль невозможно вместить. Отчасти поэтому в кемеровской трагедии так сложно кого-то обвинить: глаза буквально разбегаются от количества вольных и невольных злодеев. Пальцев не хватит, чтобы во всех ткнуть. Перед глазами картина: закрытые двери, отключенная сигнализация, отсутствующая в пожарных кранах вода, охранники, не пропускающие бегущих детей.

Беда при ближайшем рассмотрении и скрининге показаний свидетелей распадается на две части. Первая — пожар в торговом центре, напичканном горючими материалами, отключенная сигнализация, неисправная система пожаротушения, закрытые запасные выходы. Около двадцати погибших. Такие жуткие истории случаются. Это нельзя простить, но можно рационально объяснить. Второе — судьба закрытого снаружи на ключ зала, где более 40 человек смотрели мультфильм. Им не оставили ни единого шанса — и объяснения нет.

Если первая трагедия — продукт социальных факторов, то вторая — настоящий плод метафизического зла, действующего в мире через человеческую глупость, жадность и трусость.

Почему всё загорелось? Объяснение элементарно — желание бизнеса нажиться на людях. Отпущенный на волю, без строжайшего государственного контроля, «рынок» знает только одного бога — прибыль, — и только одно зло — «неэффективность расходов» и «дополнительные издержки». Давно установлено, что предприниматели стараются переложить на общество свои грешки — загрязняют окружающую среду, бесплатно используют инфраструктуру, не хотят нести обязательные расходы на безопасность, такую, как «никому не нужная» пожарная охрана.

И вот очередной бизнес-начальник велит «поджаться». Ему надо строить гольф-академию на новой родине — в Австралии, а там не забалуешь. Услужливые менеджеры и подставные владельцы спешат сэкономить на чем только можно — повар, заведующий электропроводкой, противопожарная система побюджетнее, охрана подешевле, облицовка экономичная, зато хорошо горящая. А чтобы государство не придиралось — взятки и взяточки, отстаньте, «мы — малый бизнес».

Сама ситуация «проверочных каникул», из-за которых не удалось своевременно выявить угрозу, тоже свидетельство управленческого кризиса. Фактически мы признали: все ко-

миссии чисто формальны и не выявляют нарушения, а исключительно собирают взятки, и потому давайте их просто отменим. А в то, что реальный контроль может существовать для дела, мало кто верит всерьез.

Но произошедшее — при всем желании — не может быть описано формулой «равнодушное чиновничество и хищный бизнес против благородных и страдающих граждан». Судьба погибших говорит о том, что зло есть не только в системе, но и в нас. Из трех залов два закрыты не были и люди оттуда эвакуировались. Зато один оказался закрыт снаружи и превратился в газозаванную раскаленную ловушку.

По чьей инициативе был заперт зал? Кто повернул ключ в замке? Почему этот человек не попытался освободить тех, кому не оставил ни единого шанса? Освободить, пусть и ценой собственной жизни? От социологии катастроф мы переходим к метафизике зла. Трусость, глупость, безответственность уже ни на чиновников, ни на бизнесменов не переложить.

Астрахань. Акция в память о погибших в «Зимней вишне»

Евгений ГРИШКОВЕЦ, писатель:

— Мне тяжело говорить. Я родился в Кемерово, здесь — моя родина, несмотря на то, что я довольно долго живу в Калининграде. Обзвонил сразу всех знакомых, близких людей из Кемерово. Искал какие-то важные и нужные слова, но, несмотря на то, что я литератор, просто не находил их. И может быть, они никогда не будут найдены. Сибиряки — люди мужественные, но пережить такое невозможно. Думаю, дальше город будет жить как раненое существо. Эта рана навсегда. Трагедия не забудется, ее последствия останутся в сердцах людей и в памяти города навсегда. Это большое горе. Я всецело, всем сердцем сейчас там, в Кемерово. Я хорошо знаю это место. Видел его ежедневно. Помню, как там появился торговый центр. Среди тех людей, которые пострадали и погибли, скорее всего, были те, кого я знал лично. Наверняка многие знали меня. Это личная моя утрата и большое горе для всех. Что тут сказать? Кемерово ранено не смертельно, но очень и очень тяжело. Словами тут особо не поможешь. Единственное, мне очень не хочется, чтобы смаковали подробности этой трагедии. Они еще больше разбередят рану. Пусть их будет меньше. Лучше тихие слова поддержки родным и близким, всему городу.

Низость не ограничилась самим моментом трагедии. Одни мерзавцы тут же начали собирать деньги на липовые счета помощи пострадавшим. Другие — распускать слухи о «сотнях погибших» — мол, «знакомая жена знакомого работает в море — она точно видела». На

высоте оказались и западные политики — именно в день национального ужаса устроив массовую высказку наших дипломатов, они в очередной раз объяснили, чего стоят их лицемерные «ценности».

Сегодня много пишут о том, что «торгово-развлекательные

центры», где люди глушат тоску и заполняют пустоту, участвуя в культах потребления, зло само по себе. Вряд ли это морализирование относится к делу. Да, ТРЦ — социальная опухоль, убившая одноэтажные кинотеатры, магазины, многие городские кафе. Детям и взрослым больше некуда пойти. В торговых центрах тепло, светло и вокруг красивые вещи. Можно сидеть на бесплатных лавочках, болтать с друзьями, а то и тайком покупать на всю компанию пиво. И вот полубесхозных подростков приходится гонять с аттракционов, а самые жадные контролеры закрывают двери кинозалов, чтобы «зайцы» не пробрались на середину сеанса (сколько в этих закрытых дверях подлости — вспомни, как еще наши родители смотрели кино с окружавших открытый экран деревьев). Появилась даже версия, что пожар начался с того, что какие-то пацаны подожгли поронок.

Надеюсь, однажды мегамоллы и ТЦ исчезнут с лица наших городов так же, как пропали некогда всемогущие папатки. Но люди погибли не потому, что они пошли туда, куда нельзя, и захотели потреться. Уверен, если бы напротив некоторых зданий появились красные билборды с информацией: «Небезопасно. Не действует пожарная сигнализация», то посещаемость резко упала бы.

Отправляясь в такие центры, граждане доверяют государству: оно защитит их безопасность. Общество базируется на том, что мы не должны сами проверять, работает ли пожарная сигнализация и не отравлена ли еда в кафе. Мы знаем, что есть компетентные инстанции, которые сделали это за нас. В данном же случае доверие людей было предано.

Трагедию в Кемерово нужно разобрать попогоду. Установить все факторы риска, которые сложились в страшный итог, и провести по всей стране учения, чтобы убедиться, что подобного в других общественных местах не возникнет. Беспощадно, по самой верхней планке уголовного закона и предельно показательно наказывать всех, кто прямо или косвенно, действием или бездействием способствовал трагедии. Кары не утирают ни одной детской слезинки, не утешают страданий человека, в один день потерявшего в кино жену и детей, но они могут и должны предотвратить новые беды.

Сегодня девизом России должно стать слово «ответственность». Призвать к ответу виновных — половина дела. Важнее — осознать, насколько преступно мы разбазариваем жизни, к каким последствиям может привести одна запертая дверь, сколько стоит экономия на материалах. Каждое непродуманное решение рано или поздно ведет к катастрофе. И пока беда на всех одна, стоит настолько громко, насколько это вообще возможно, говорить о том, что никакого развития и никакого будущего без ответственности не получится.

Какая песня без Олега...

Не стало Олега Анофриева. Любимый не одним поколением артист скончался на 88-м году жизни.

Одни умеют петь. Другие — играть. Третьи — сочинять. Однако крайне редко бывает, чтобы все эти таланты сочетались в одном человеке. Анофриеву же блистательно удавалось все.

Благодаря Олегу Андреевичу каждый ребенок знает, как Львенок и Черепаха пели песню, что ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету, а тем, кто дружен, не страшны тревоги, что дельфины скромные и у каждого причала всех морских путей начало. Кстати, в мультике «В порту» все мужские вокальные партии принадлежат этому артисту. А миллионы детей засыпали, слыша «Спят усталые игрушки...». Помимо обожаемых мультфильмов, сразу в памяти всплывают песни «Если радость на всех одна», «Есть только миг», «Все было, все было...». Ну и все, конечно, прекрасно помнят, кто однажды поставил перед нами важный, почти философский вопрос: «Какая песня без баяна?»

Анофриева всегда считали лучшим поющим артистом Советского Союза. На то были веские основания. Даже на фоне коллег по цеху, умеющих работать не только на камеру, но и с микрофоном, — Михаила Боярского, Николая Караченцова, Андрея Миронова, — Олег Андреевич выгодно выделялся. Никто не умел создать в одном проекте настолько разнообразных, порой прямо противоположных по характеру, героев так, чтобы они выглядели правдоподобно и артистично.

Анофриев окончил школу-студию МХАТ. Играл в Центральном детском театре, в театрах имени Маяковского, Моссодета. Кинематографический дебют состоялся в короткометражном фильме «Секрет красоты». Кто-то скажет, мол, не успел выразить себя в полной мере, недоиграл. И в самом деле, главных кинематографических ролей у Анофриева немного. Хотя опять же — всем хотелось иметь такого коллегу, как Владыка Карпов («Коллеги»), верного друга, как Вадим Аляин («Друзья и годы»), потерять время с Петей Зубовым («Сказка о потерянном времени») и выбить свищастый зуб Соловьев-разбойнику («Там, на неведомых дорожках...»).

Сам артист считал одним из главных своих достижений песню Зацепина и Дербенева «Есть только миг». Эту композицию, одну из лучших в истории отечественной эстрады, исполняли многие — от Олега Дала до Николая Расторгуева. Но версия Анофриева навсегда останется канонической. Под этим девизом он прожил всю свою жизнь и даже назвал так книгу воспоминаний.

Увы, с его уходом канула в Лету целая эпоха. Громко сказано? Возможно. Но ни в коем случае не притянуто за уши. Поскольку жанр закадрового исполнения — товар штучный. А Олег Андреевич был и навсегда останется корифеем «вокального закулисья».

«Культура» предлагает вниманию читателей фрагменты интервью, взятого нашим корреспондентом незадолго до 85-летия прославленного артиста.

культура: Вы, без елеса и излишней комплиментарности, пожалуй, лучший исполнитель экранных песен. А почему сегодня музыка для кино в целом и песня для фильма в частности утратили свои, некогда казавшиеся непоколебимыми, позиции?

Анофриев: На днях включил телевизор, наткнулся на изумительную ленту 1940 года «Светлый путь», с Орловой в главной роли. В очередной раз восхитился: Господи, какое важное место — да фактически решающее — в картине занимает музыка! Это можно сказать и в отношении многих других старых фильмов: они, по сути, на отличной музыке построены. Недаром в те годы существовала настоящая музыкальная редакция, при которой принимали далеко не все песни даже знаменитых композиторов. Им порой приходилось по два-три раза переписывать произведения, дабы они в итоге попали в картину.

А сегодня эта структура разрушена. На режиссерскую вахту заступила шпана. Пришли люди, суть мировоззрения которых сводится к эротике и прочей муре. Я, хоть и с известной долей иронии отношусь к учению Станиславского, все же считаю, что в одном он точно был прав: категорически запрещал актерам на сцене есть, пить, говорить по телефону и все в этом духе. Потому что в противном случае никакого искусства не получится. А сейчас на экране и на сцене обязательно жрут, бухают, матерятся и трахаются. О какой песне в таких обстоятельствах может идти речь?

культура: И как же нам вернуть ее?

Анофриев: Мне кажется, дни хорошей и правильной экранной или театральной песни сочтены. Сравнительно недавно я поставил в мытищинском театре драмы и комедии ФЭСТ мюзикла, к которому написал и музыку, и либретто. Мне казалось, это очень удачная постановка. Но, к моему разочарованию, никакого ажиотажа она не вызвала. Ну, да Бог бы с этим...

Поющих артистов сегодня не меньше, чем в лучшие времена, — правда, плохо поющих. А если порой и встречаются хорошие исполнители, для них просто нет достойных песен. Получается некий замкнутый круг. Говорить о том, «почему тогда — да, а сегодня — нет», на мой взгляд, бессмысленно. Достаточно просто посмотреть на имена: Островский, Френкель, Бабаджанян, Фрадкин, Фельцман — вы можете назвать нынешних творцов, кого следует поставить в один ряд с этими великими композиторами?

К тому же сегодня из песни ушла душевность, сентиментальность. Ничего не имею против телешоу «Голос», но постоянно удивляюсь: что же они все так орут? Создается впечатление, что просто вопят, извините, на прямой кишке.

культура: Мультфильм «Бременские музыканты» как минимум половиной своего бешеного успеха обязан участию Олега Анофриева. Какие у Вас воспоминания об этом проекте?

ФОТО: PHOTOPRESS

Анофриев: Все произошло спонтанно — с одной стороны. С другой, мы знаем: случайностей в этом мире не бывает. Просто получилось так, что в нужное время в правильное место собрались четыре незаурядные личности — одна талантливее другой. Прекрасный композитор Геннадий Гладков, замечательный детский поэт Юрий Энтин, потрясающий актер и сценарист Василий Ливанов, ну и ваш покорный слуга — осмелюсь к вышеперечисленным персонам причислить себя. Мы не предполагали, что получиться сверхягер — тем более, создали его фактически за одну ночь. Пришли в студию в одиннадцать вечера и ушли в семь утра. Связано это с тем, что выкроить время представ-

лялось трудно выполнимой задачей: студия звукозаписи «Мелодия» постоянно была занята — то классиками, то эстрадниками, то еще кем-нибудь. Но, как показало время, овчинка стоила выделки: получился шедевр, который по сей день мало кого оставляет равнодушным.

культура: Как же Вы за ночь сумели перевоплотиться в столь разных персонажей?

Анофриев: Да ладно, Господь с вами, какое перевоплощение? Просто сыграл самого себя, и все дела. Можете считать, что вот такой я разносторонний (смеется).

культура: Не планируете написать подробную автобиографию? Сегодня это тренд...

Анофриев: Плавать я хотел на тренды. А мемуары... Да кому они нужны? Я уже вышел в тираж, молодежь меня не узнает. Не обижайтесь: слава Богу, мне дан разум, позволяющий быть как самокритичным, так и самовлюбленным. Лучше отвечу стихами:

Пусть солнце греет камень свыше,

А камень греет грудь мою.

Закрой глаза, и ты услышишь,

Как я в душе твоей пою.

Весь мой молитвенный багаж

Из двух молитв, две пары строчек:

С утра читаю «Отче наш»,

«Есть только миг» — поближе к ночи.

Большинство моих последних стихотворений посвящено прощанию с великопечной, неповторимой планетой под названием Земля.

культура: Как-то уж очень апокалиптически...

Анофриев:

Когда дорога близится к концу,

Не искушайся ценностей приравнять.

Собравшемуся это не к лицу:

Ведь все равно придется все оставить —

Святости или подлему.

культура: Вы начинали как театральный актер. Почему приняли решение оставить сцену?

Анофриев: Мне показалось, что это фальшивое

сообщество. Непоследовательное, нестабильное и нечестное — удержаться там, обладая твердой человеческой позицией, представлялось невозможным. Где-то надо было солгать, под кого-то прогнуться или, наоборот, кого-то унижить, поставить на колени: мне это казалось чуждым. Но у меня много друзей из театральной среды — никого обижать не хочу. Просто, видимо, разлюбил профессию актера, устаю считаться сценической личностью, которой, откровенно говоря, никогда не являлся.

культура: Голос Анофриева на записи — почти гарантированный успех. Каков Ваш основной критерий при выборе песен, которые предлагают исполнить?

Анофриев: Искренность. Хотя уже давно ничего на заказ не пою. Лет семь-восемь назад написал песню, которая называется «Пора, Россия!»:

Не плачь, Россия, о прошедшем

Стеной осеннего дождя.

О тех столетях сумасшедших,

Державой сделавших тебя.

Не плачь, Россия, об убитых

На поле брани сыновьях,

Не плачь о подвигах забытых,

Святых, потерянных словах.

Пора, Россия, улыбаться

И собирать Святую Рать!

Уж лучше пусть Тебя боятся,

Но не посмеют презирать!

Мне кажется, сегодня эта вещь звучала бы как гимн. Но ее, увы, никто не знает. Когда впервые предложил композицию, мне ответили: слишком рискованно. А потом уже не пошел — не захотел унижаться.

Сами себе режиссеры

Алексей КОЛЕНСКИЙ

22 марта в столичной мэрии состоялся круглый стол «Новая эра детского кино. Снимаем сами!». Учредители и участники Международного детского кинофестиваля «Мы сами снимаем кино» подвели итоги трехлетней работы, поделились опытом и наметили перспективы развития школьного и факультативного кинообразования.

Открывая встречу, директор фестиваля Елена Бреднева обозначила суть проблемы:

— Для детского кино наступил момент истины — либо оно потонет в пучине интернета, в приколах и трэше, либо возродится в новом качестве, приобретет новые инструменты, новых художников и новые формы. Современные дети хотят сами снимать и сниматься. Им не хватает доступного массового образования и мотивации творить, искать и исследовать мир инструментами кино, ставшими в один момент достоянием миллионов. Посетив музей и мотивации творить, искать и исследовать мир инструментами кино, ставшими в один момент достоянием миллионов. Посетив музей и мотивации творить, искать и исследовать мир инструментами кино, ставшими в один момент достоянием миллионов. Посетив музей и мотивации творить, искать и исследовать мир инструментами кино, ставшими в один момент достоянием миллионов.

среда сформируется сама. И вовсе не обязательно в позитивном ключе, скорее, наоборот, — отметила руководительница летней студии «Кино-смена» при детском оздоровительном лагере «Нива», сценарист и продюсер киносериала «Частное пионерское» Татьяна Мирошник.

Член комиссии по поддержке семьи, материнства и детства при Общественной палате РФ, руководитель Общественного центра по защите традиционных семейных ценностей «Иван Чай» Элина Жгутва предупредила, что для охвата образовательных структур страны потребу-

ется около двадцати тысяч неравнодушных педагогов. Их еще следует воспитывать, а для этого надо воздерживаться от безвкусицы, воплощением которой служит изживший себя «Ералаш».

По сути, некогда заслуженно популярный киножурнал стал витриной пошлости, демон-

стрирующей ребенку изнанку жизни, — дескать, пускай малыш попробует все, и хорошее, и плохое, а там уж сделает свободный выбор. Напротив, надо показывать детям, «какими должны быть люди, какой должна быть жизнь», подчеркнула Жгутва.

Но в Москве, Воронеже, Обнинске, Нижнем Новгороде и Петербурге уже немало подобных примеров совместного творчества наставников и юных кинолюбителей. Яркий и масштабный образец продемонстрировал город на Неве. Согласно замыслу продюсера образовательно-воспитательного цикла «99 городов» Виктора Меркулова, ученики школ со всех концов России должны раскрыть и проиллюстрировать занимательными сюжетами одно из 99 сформулированных автором проекта нравственных качеств (таких как великодушие, честность, товарищество) и профессиональные навыки. Merkulov Studio помогла снять и смонтировать картины, а часть средств ребята заработали, собирая макулатуру. Уже готово десять крепких и занятных роликов из десяти городов. Проект набирает обороты.

Президент Международного православного Сретенского кинофестиваля «Встреча» монахиня София (Ищенко) дала пример организационно-воспитательной работы. Свой православный смотр она использует для пополнения коллекции картин и внедрения методики анализа кино на школьных и детских занятиях. Уже пятый год матушка демонстрирует ученикам пятых и шестых классов Обнинска отмеченный ее смотром добрый фильм «Шенюк» Марии Евстафьевой. Просит написать сочинение, отбирает три десятка лауреатов из более чем двух тысяч зрителей и торжественно вручает им плюшевые призы. Добрая традиция стала своеобразным обнинским брендом.

— Нужно возвращаться к традиции совместных просмотров, — уточняет монахиня София. — В этом есть христианский смысл — сопереживание. Когда вы вместе смеетесь или плачете, радуетесь или осуждаете грех — в зрительном зале создается общность.

Хотелось бы видеть в числе участницы культуры и Министерства образования и науки, опытных педагогов, мастеров экрана. Пока же на круглом столе энтузиастов поддержал секретарь Союза кинематографистов — руководитель Молодежной секции Филипп Абрютин. Добрый знак: организационных и производственных примеров сотрудничества с детьми на импровизированных и профессиональных площадках уже немало, их важность невозможно переоценить. Ребята учатся видеть большие проблемы, находить общий язык, делиться творческим опытом.

ФОТО: PHOTOPRESS

Андрей САМОХИН,
Августин СЕВЕРИН

В России давно громко не спорили об изящной словесности, времена не те. Однако дополнения к Федеральному государственному общеобразовательному стандарту (ФГОС) по литературе, разработанные Минобрнауки, вызвали в профессиональной среде серьезную полемику. Часть педагогов выпустила открытое письмо, в котором обвинила авторов документа в непрофессионализме. Кроме того, в ход пошел известный аргумент: дети слишком загружены. «Культура» решила разобраться в проблеме, выслушав обе стороны притивостояния.

Обсуждение новых стандартов идет уже не первый год. В 2009 году были приняты ФГОС второго поколения для начальной школы, в 2010-м — для 5–9-х классов, а в 2012-м — для старших. До сих пор они не имели твердого содержания предметов, то есть не было понятно — чему точно и когда учить, что именно на каждом этапе спрашивать с ученика и учителя. Вместо конкретных тем действовала «примерная основная образовательная программа», на базе которой каждая школа принимала свой учебный план с большой вариативностью действий для педагога. В случае с литературой речь шла о полусвободном выборе произведений и авторов. Несовпадение программ сильно осложняет организацию Всероссийских проверочных работ, которые вводит сейчас министерство. В ведомстве справедливо посчитали, что такой порядок не дает реализовать единство образовательного пространства страны.

Однако сам факт формирования дополнения к ФГОС вызвал весьма резкую реакцию со стороны части учительского сообщества. 19 марта «Гильдия словесников» опубликовала на своем сайте открытое письмо с критикой новой редакции Федерального государственного общеобразовательного стандарта по литературе. Может быть, в этих обвинениях есть доля истины? Мы дали слово экспертам.

Сергей ЗИНИН, председатель Федеральной комиссии разработчиков КИМ ЕГЭ по литературе, доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания литературы МПГУ: — Образовательный стандарт по литературе, действовавший до сих пор, не зря прозвали «рамочным». Рамка есть, а картины внутри нет. Это уже давно вызывало критику и недовольство учителей. Но вот теперь его наполнили содержанием, и это не всем понравилось.

Отмечу, что авторы атаки на министерство прежде всего постарались оглушить коллег цифрами: 235 произведений надо пройти, какой ужас! На самом деле, если правильно считать, это число чуть больше 180, и значительная часть — стихотворения, как уже напомнила министр, и это на пять лет учебы. Критиками опускается информация о том, что на изучение литературы в 5–6-х классах наконец-то прибавляется еще один час в неделю. Далее «испорченный телефон» превращает произведения в целые книги, и начинается «плач Ярославны»: да как же ребенку все это освоить, значит, все это будет именно «спройдено мимо», и тому подобно... На самом деле деле можно успеть и обязательную программу освоить (это 70 процентов), и захватить вариативную часть (30 процентов), изучив милые душе учителя тексты. В последний список может входить современная детская, приключенческая литература — то, что еще не успело стать классикой.

Те, кто возмущается закреплением определенных произведений за конкретным годом обучения, очевидно, не хотят лишиться определенной учительской «свободы», которую точнее назвать «вольницей». Но она, как мы уже видели, несет хаос и необязательность, не дающие создать единого образовательного пространства в стране. Ребенок, приехавший из другого города или просто перешедший из другой школы, нередко сталкивается с совершенно не совпадающей программой. Это, кстати, касается не только литературы.

Мастерство учителя заключается, на мой взгляд, не столько в способности двигать туда или сюда произведения и темы, сколько в умении представить и донести до ребенка любой самый сложный текст. Предметный, конкретный контроль процесса обучения необходим и государству, и

Порядок чтения

самому ученику. А он предполагает четкую, а не «плавающую» систему координат. Просто некоторые педагоги (или малоопытные, или, наоборот, уставшие от профессии) не хотят этой ответственности. Безудержная вариативность ведет к четкому разделению общества: высокие и разнообразные знания в «элитных» школах и классах и суррогат для остальных. Единые же требования возвращают во многом утраченную социальную общность.

Что касается обязательного списка литературы, то вокруг него ломалось множество копий, он долго и открыто обсуждался, был одобрен педагогическим сообществом. Но всем угодить невозможно! Составление «золотого списка» классики еще впереди. Если вам больше нравится «Гарри Поттер», никто не будет вырывать книжку из рук. Но придется все же освоить и «Капитанскую дочку». Чтение с принуждением — это не какая-то неслыханная тирания, а обычная функция школы, о которой у нас просто позабыли...

Елена РОМАНИЧЕВА, главный научный сотрудник Московского городского педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель России: — Новый стандарт мне не нравится жесткостью, тенденциозностью и перегруженностью. Он предполагает, что литературные произведения будут «проходить».

Жесткость стандартов не в том, что представлен их список, а в том, что указано, в каком классе, порядке, в каком аспекте они должны изучаться. Это, на мой взгляд, величайшая степень недоверия к учителю. Потому что преподаватель, имеющий диплом о высшем образовании, в состоянии определить, в каком порядке он может изучать и группировать те или иные тексты, исходя из потребностей, мотивов определенного класса.

Я не понимаю, зачем делать еще один список литературы. Есть примерная программа к действующему стандарту, в ней этот список закреплен и показано, какие произведения нужно изучать обязательно. Весь комплект русской и зарубежной классики XIX–XX века там есть. Есть список авторов, отдельные произведения которых должны быть изучены (не указан конкретный текст, но указан автор), и есть некий список произведений по выбору. Чем эта программа не удовлетворяет министерство, я не могу понять. Конечно, по ней нельзя осуществлять ежегодный контроль. Но если у нас образование нацелено не на то, чтобы ребенок прочел классику и задумался над прочитанным, а исключительно на то, чтобы он прошел все российские проверочные работы, то я с этим не согласна.

Не соглашаясь с тем, что курс перегружен, министр отметила, что две трети программных произведений — это стихи. С точки зрения изучения литературы, науки, к которой

я имею честь принадлежать, поэзия — это самый сложный для понимания, размышления и работы с текстом род литературы. Задача образования не в том, чтобы ученик просмотрел текст, а в том, чтобы он погрузился в него, научился на его примере читать другие произведения.

Также нельзя не учитывать того, что мы живем в многонациональной стране. Даже в московских школах учится большое количество детей, для которых русский не является родным. Для них изучение лирических текстов, медленное освоение — это еще и прекрасный пример погружения в великодушный русский язык. Не ознакомительная экскурсия «посмотрите налево, посмотрите направо», а открытие перед ними всех традиций русской культуры.

Некоторые сторонники документа настаивают на том, что отсутствие общего государственного стандарта и, как следствие, единого образовательного пространства, приведет к тому, что дети при переходе из одной школы в другую столкнутся со сложностями. Это не так. Мы не знаем, какой процент детей от общего количества меняет школу. И не важно, изучает ребенок в данный момент Пушкина или Лермонтова, значение имеет лишь его умение работать с текстом. Единый стандарт, о котором в данном случае идет речь, подразумевает, что в понедельник такого-то числа все школы страны на первом уроке приступили к изучению определенного текста. Это утопия, очень жесткая, она уже описана в романе Зямытина «Мы». Невозможна она по ряду причин: во-первых, в разных школах в разное время проходит каникулы, во-вторых, и дети, и учителя болеют. А главная проблема при переходе ребенка из одной школы в другую — это вопрос психолого-педагогической работы определенной образовательной организации. Для ученика главная сложность — не прочитать стихотворение Пушкина или Лермонтова, а установить контакт с новым классом, почувствовать себя комфортно. Единое образовательное пространство не создается списком текстов.

Людмила ДУДОВА, председатель координационного совета Общероссийской общественной организации «Ассоциация учителей литературы и русского языка», член Совета по русскому языку при президенте РФ: — В кампании, которую мы сейчас наблюдаем в определенных СМИ, идет подмена понятий. Пишут о том, что в Минобрнауки вдруг решили изменить порядок замены ФГОС начальной и общей школы. На самом деле, стандарт этот, принятый давно, сейчас лишь немного подправлен стилистически — никаких принципиальных изменений внесено не было. Но было выпущено приложение, цель которого — исполнение поручения президента Владимира Путина от декабря 2014 года об определении базового содержания основных

Предложенный Министерством образования школьный стандарт по литературе расколол общество. Некоторые учителя и родители выступили против того, чтобы жестко привязывать произведение к определенному году обучения, и полагают — объем обязательного чтения и так слишком велик. Как, на Ваш взгляд, сегодня стоит преподавать литературу?

Результаты голосования на сайте газеты «Культура»

Необходима единая программа по образу советской школы.	51%
Хватит с нас экспериментов	4%
Сколько можно цепляться за прошлое? Обучение должно быть вариативным, учителю виднее, что и как преподавать	21%
Главное — чтобы дети снова начали читать. В борьбе за образованное поколение все средства хороши	24%
Пора не стандарты обсуждать, а учителей: их уровень часто очень низок. Новое поколение словесников — важнее, чем любая программа	

образовательных программ. Само это поручение появилось в связи с массовыми требованиями учителей дать не примерный, а точный список литературы, согласно которому они должны достигать определенных результатов. Каждая школа составляла учебные планы по своему разумению, и это приводило к большому «разнобою» по стране. Сегодня настало время исправить эту недоработку. Базовое содержание ФГОС, которое было разработано, многократно обсуждалось и публиковалось на сайте Минобрнауки. По этому документу поступило более 6000 предложений от педагогов. Кроме этого, были получены заключения от экспертов, и даже школьники впервые приняли участие в обсуждении этого приложения к стандарту. Завершился большой процесс, который длился не один год и включал в себя разработку научных концепций преподавания. Школа получит утвержденное базовое содержание по предметам (стандарты начального образования уже утверждены без всяких поправок, а основного — с поправками). Впереди большая работа по старшей школе.

Некоторые недоумевают, зачем, мол, еще одна программа, когда давно действует «примерная» — с рекомендательным характером, состоящая из трех колонок. В одной — авторы, чьи произведения обязательны для изучения, и этот список там минимизирован до неприличия. Во второй — обязательные персоналии без произведений. А в третьей — рекомендованные тексты. Но это была именно примерная программа, на основании которой каждая школа и учитель разрабатывали свою — учебную, тася произведения и авторов по «проблемно-тематическим блокам» как угодно. То есть что, в каком порядке и объеме изучат школьники в тот или иной год, было предметом безграничной «вариативности» — любимого детища авторов прошлых реформ образования.

Встаньте на место родителей: имеют ли они право знать, что изучит их ребенок в таком-то классе в любом уголке страны? Когда говорят о разном уровне интеллектуального и эмоционального развития детей, хочу восторженно спросить: а для чего мы готовим в педвузах армию учителей, обучая их давать материал как раз с

учетом этих различий? Сторонники тотальной «вариативности» просто спекулируют на индивидуальных особенностях учеников.

ФГОС — это документ, который прежде всего должен учитывать интересы страны, а не отдельных высококвалифицированных педагогов — «артистов». Государство должно знать, на что оно выделяет средства, а родитель тоже не хочет быть в неведении, что обязательно должен прочесть его отпрыск.

У нас ведется слишком мало исследований по реальным эстетическим и интеллектуальным возможностям современных школьников — это действительно большая проблема. Но когда «вариативщики» упрекают «системщиков», что вы, мол, не знаете, что из литературы дети воспримут адекватно, а что нет, упрек легко возвращается обратно: вы тоже этого не знаете.

В нашей Ассоциации около 6000 учителей-словесников, действует научно-методический совет из авторитетных специалистов из разных регионов РФ. Мы подготовили заключение этих экспертов по дополнению к ФГОС и на днях его опубликуем. В нем есть некоторые критические замечания по деталям, но никто не выступил против самого принципа — наполнения четким содержанием базовой части стандарта и выпуска единого для страны учебника по литературе. Таков же голос подавляющего большинства словесников — это я могу утверждать. Кстати, два года назад провели опрос среди родителей и самих школьников на тему, хотят ли они, чтобы было множество или единый учебник по литературе. Абсолютное большинство голосов получило второй пункт.

Сейчас ведется стилистическая правка документа, убираются канцеляризм и ошибки, которые были справедливо раскритикованы. Но и здесь в защиту авторского коллектива могу сказать, что невозможно было сразу сделать все идеально в тот сжатый срок, за который этот документ был составлен. Поручение президента трехлетней давности было до сих пор невыполнено, полтора года лежат учебники, которые не могут пройти госэкспертизу, дальше тянуть с этим просто было невозможно.

Сергей РУКШИН, профессор РГПУ им. Герцена, замдиректора Президентского физико-математического лицей № 239 Санкт-Петербурга:

— Я лично знаю многих учителей из глубинки: они давно мечтают о том, чтобы учебная деятельность определялась не общими правилами, а содержанием обучения. Ольга Васильева сделала очень большую вещь: само принятие стандартов znamená поворот от общей болтовни реформаторов к тому, от чего мы за последние два десятка лет отвыкли, — обсуждение содержания обучения.

Новые стандарты нужны всей России — не только блестящим столичным учителям. И голая такая в рядовых педагогов, я вас уверяю, если провести опрос, многократно перекроет голос нынешних недовольных.

Большинство моих коллег-предметников — что по математике, что по литературе и истории — убеждены: нужен базовый стандарт, а не какие-то мифические «навыки» и «компетенции». Другое дело, что содержание этой базы нуждается в серьезном обсуждении и доведении до ума. У меня самого масса претензий к ФГОС по математике. Я считаю, что в нынешнем виде разделение образования на «базовое» и «профильное» ведет к сегрегации будущих поколений. А если в маленьком городе, поселе просто нет учителя, который готов преподавать «углубленку», то все выпускники этой школы не будут готовы к поступлению в вуз и окажутся автоматически людьми «второго сорта»? То же самое касается преподавания истории: сегодня, те, кто ушел из школы после 9-го класса, не будут знать историю России XX века, поскольку раньше ее не проходили. Значит, они могут быть подвержены любым политическим манипуляциям. Это страшная вещь, и ее надо исправлять. Но еще раз повторюсь: это не касается необходимости наполнить стандарт обязательным базовым содержанием для всей страны.

Вместо заключения приведем данные опроса ВЦИОМ от 2017 года, согласно которому около 70 процентов россиян поддерживают идею введения основных учебников по каждому из предметов школьной программы. 84 процента респондентов также высказались о необходимости создания единого образовательного пространства в российских школах, против — всего 13 процентов.

И старые, и малые

В ГМИИ им. А.С. Пушкина представлены шедевры Лейденской коллекции — 82 произведения, среди которых работы Рембрандта, Вермеера, Карела Фабрициуса и Франса Хальса, а также крошечный рисунок Леонардо да Винчи. Частное собрание, основанное Томасом С. Капланом и его женой Дафной Реканати-Каплан в 2003-м, считается одним из лучших в мире. По словам директора Марины Лошак, пропустить такой раритет музей не мог: впервые коллекция была показана в Лувре в прошлом году и, благодаря быстрой реакции и убедительным доводам российской стороны, оказалась в Москве.

Один из кураторов Вадим Садков, заведующий отделом искусства старых мастеров ГМИИ, напомнил: шедевров такого класса в открытом доступе мало, большинство разобраны крупнейшими институциями. Создать подобную коллекцию, да еще в сжатые сроки почти невозможно — помимо помощи профессионалов, требуется банальное везение. Среди жемчужин, привезенных в столицу, — «Девушка за верджинелом» Яна Вермеера (около 1670–1672) и «Явление ангела Агари» (около 1645) Карела Фабрициуса. Последняя работа является единственной вещью живописца, находящейся в частных руках. Широкая публика знает имя художника по роману Донны Тартт «Щегол»: одноименная картина не только попала на обложку, но и стала одним из «героев» повествования. Впрочем, знатоки и до выхода бестселлера слышали о мастере, трагически погибшем в 32-летнем возрасте во время масштабного взрыва порохо-

вых складов в Дельфте. Сегодня известны лишь 16 произведений Фабрициуса, в России имеется одно: «Гера, скрывающаяся у Океана и Тефии» (1645–1647), хранящееся в ГМИИ.

Главная «приманка» нынешнего проекта — небольшой холст Вермеера. Как и остальные вещи, работа впервые оказалась в России. Мягкая игра света и тени, деликатно выписанное лицо модели, фирменный вермееровский лимонный цвет... Картина, по словам Вадима Садкова, повезло с реставраторами — коллекционер не пожалел денег на восстановление шедевра. Исследователи считают, что он написан на том же куске полотна, что и не менее знаменитая «Кружевница» (1669–1670), ныне хранящаяся в Лувре. Для создания о-

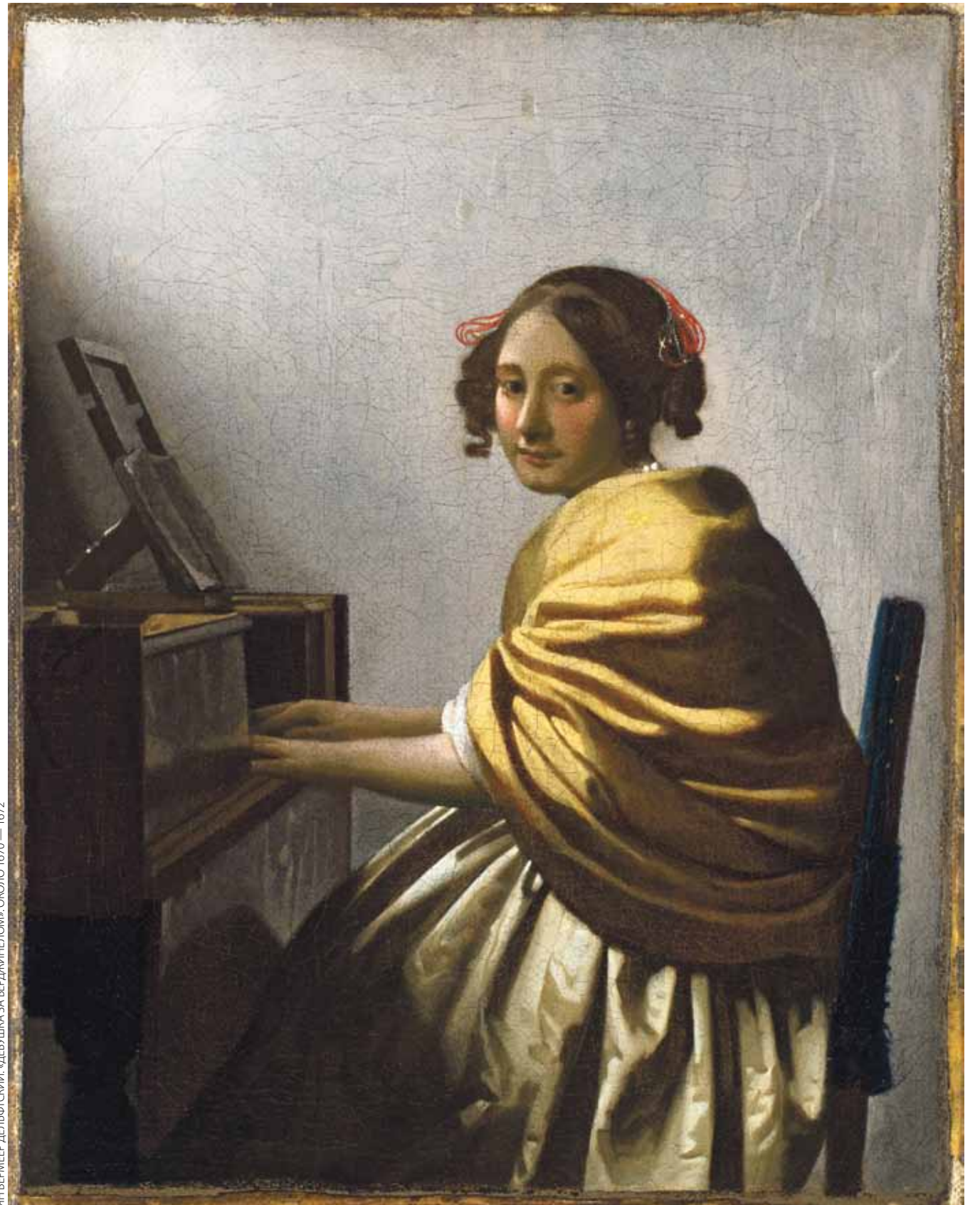
бой атмосферы организаторы выставки настоящих, богато инкрустированный верджинел XVI века.

Впрочем, ядро коллекции — вещи Рембрандта. Здесь у Каплана вновь рекорд: 14 картин — крупнейшее собрание произведений голландца, находящееся в частных руках. Это разные по качеству работы — конечно, относительно самого Рембрандта. Есть прекрасный автопортрет (1634): удивительно безмятежный по сравнению со знаменитыми экспрессивными «селфи» мастера. «Девушка в расшитой золотом накидке» (1632) с рыжеватыми-пшеничными волосами, словно светящаяся изнутри, напоминает загадочную барыш-

ню из «Ночного дозора» (1642). Из эксклюзивов — изображение отдыхающего льва (около 1638–1642), — бог знает в каком зверинце художник мог увидеть диковину. С этим рисунком переключается набросок Леонардо да Винчи: голова медведя, выполненная несколькими штрихами серебряного карандаша (около 1485). Формально это творение не вписывается в круг авторов Лейденской коллекции, названной так, кстати, в честь родного города Рембрандта. Однако обладать работой гения и не показывать ее — преступление, поэтому стоит поблагодарить Каплана за подобную «вольность». Тем более, по словам Садкова, рисунок исполнял Леонардо при создании «Дамы с горностаем» (1489–1490). Морду невиданного животного да Винчи писал с медвежьей, правда, существенно изменив ее.

Зрители могут увидеть и картины авторов круга Рембрандта — например, портрет матери знаменитого художника: очень странный, почти инфернальный (около 1628). Есть произведения Яна Ливенса, голландского вундеркинда, по молодости делившего мастерскую с Рембрандтом. Впоследствии везунчик стал придворным живописцем при английском короле Карле I, купался в славе и богатстве, однако, растравив состояние, умер в нищете. Очень долго творения Ливенса приписывали его более знаменитому коллеге: лишь недавно исследователи смогли правильно атрибутировать вещи. В ГМИИ, в частности, привезли «Автопортрет» (около 1629–

1630), а также изображение принца Руперта Пфальцского (около 1631): нежное лицо, тонкие детские брови, чуть обкусанные припухлые губы... Обе работы написаны мастером еще в молодости. Впоследствии Ливенс растерял талант: его поздние творения вызывают у зрителей смешанные чувства.

Перечисленными авторами выставки не ограничивается. В экспозиции есть произведения Франца Хальса, Геррита Дау (ученика Рембрандта), а также Якобуса Вреля, которого злые языки называли «Вермеером для бедных». Можно понять коллекционера, потратившего огромные деньги на

формирование собрания: старые мастера, умевшие находить прекрасное в окружающей жизни, несомненно, знали секрет вечности. Их шедеврами смогут наслаждаться и петербуржцы — проект переедет в Эрмитаж в сентябре этого года.

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

РЕМБРАНДТ. ХАЛЬС. ВАН ГЕЙН. МАЛЛЕРБА. 1635

28 МАРТА в парижском Центре Помпиду открылась выставка «Шагал, Лисицкий, Малевич. Русский авангард в Витебске». Эта уникальная страница искусства представлена 250 работами из Государственной Третьяковской галереи, Русского музея, музеев Витебска, Минска, а также из европейских и американских коллекций. Вместе с ними в Центре Помпиду показывают произведения таких мэтров, как Василий Кандинский, Наталия Гончарова, Михаил Ларионов, Ольга Розанова, Иван Кудряшов, Николай Суевин, Давид Штеренберг.

В области авангарда Россия оказалась образцом для подражания еще в начале прошлого столетия. После Октябрьской революции он стал, по словам поэта Абра-

ма Эфроса, официальным искусством России, повлиявшим на все мировое. Нынешняя экспозиция приурочена к столетию назначения Марка Шагала уполномоченным комиссаром по делам искусств Витебска. (Центр Помпиду показывает около сорока его произведений). При поддержке Луначарского он создал в родном городе художественное училище, которое превратилось в революционную арт-лабораторию.

— Мечты о том, чтобы дети городской бедноты, где-то по домам любовно пачкавшие бумагу, общались к искусству, — воплощаются, — рапортовал Шагал.

Для этого он придумал систему свободных мастерских, которые возглавляли художники как правых, так и левых направлений. В Витебске преподавали известные мастера — Мстислав Добужинский, Роберт Фальк, Вера Ермолаева, Иван Пуни и другие.

«В первую годовщину Октября, — вспоминал Шагал, — все улицы Витебска были увешаны полотнами, на которых зеленые коровы и лошади летели по небу, мелькали странные люди, ничего общего с революцией не имеющие. Мимо этих полотен проходили рабочие и вдохновенно пели «Интернационал».

Сам Марк Захарович создал для Витебска декоративный проект «Мир хижинам, война дворцам».

В 1919 году Шагал пригласил в Витебск двух главных авангардистов — Лисицкого и Малевича. «Их появление сразу привело к острейшему конфликту, — рассказывала «Культуре» внучка ху-

Сошлись красным клином

УНОВИС — «Утвердители нового искусства». Его отделения потом возникли в Москве, Смоленске, Оренбурге и других городах. Своим «иконой» художники выбрали черный квадрат, который пришивали к рукаву.

Супрематизм в одночасье распространился на весь город. Его

работами украшали фасады домов, общественный транспорт, трибуны для ораторов. Новации Малевича и его соратников касались искусства во многих ипостасях. Они ставили балет, футуристическую оперу Михаила Матюшина и Алексея Крученых «Победа над Солнцем», спектакль по поэме Маяковского «Война и мир».

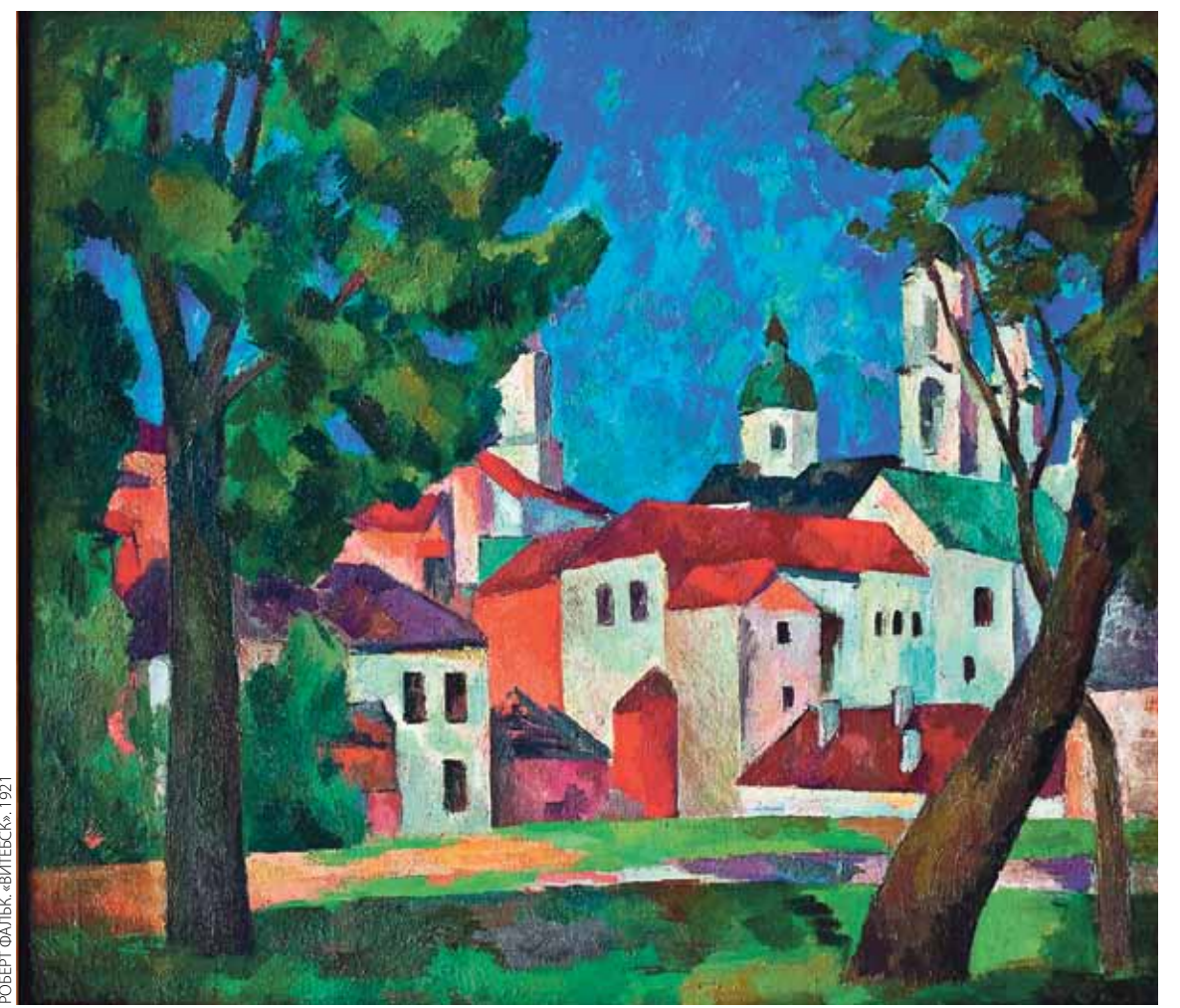
В Витебске автор «Черного квадрата» не только преподавал, но и сочинил несколько теоретических трудов. «О живописи в супрематизме не может быть речи, — объявил он в Витебске в декабре 1920 года, — живопись давно изжита, и сам художник — предрасудок прошлого».

Не только Шагал и Малевич, но и Лисицкий представлен в Центре Помпиду своими знаковыми работами. Это, в частности, его проект «Ленинской трибуны», а также знаменитый агитплакат «Клином красным бей белых», который впервые увидел свет в том же Витебске.

Однако лихие опыты вскоре пришлось свернуть — советская власть потеряла интерес к непонятным для широких масс поискам и потребовала от мастеров культуры «служить народу». Средства на художественную школу больше не поступали. Педагоги и ученики голодали. Малевич заболел туберкулезом и решил на время отойти от дел: «Буду излагать, что увижу в бесконечном пространстве человеческого черепа». УНОВИС прекратил свое существование. Лисицкий отправился на несколько лет в Германию и Швейцарию.

Основанное Шагалом училище просуществовало всего несколько лет. Однако витебский эксперимент остался в анналах мирового искусства как одна из его самых смелых страниц. История авангарда, отмечают кураторы парижской экспозиции, писалась в этом провинциальном городе. Не случайно Шагал всю жизнь называл Париж «моим вторым Витебском».

Юрий КОВАЛЕНКО Париж

РОБЕРТ ФАЛЬК. ПОРТРЕТ МАРКА ШАГАЛА. 1914

Выпускайте кракена

Владимир ХОМЯКОВ

ПОЗДРАВЛЯЮ, соотечественники. Отныне традиционный для западной пропаганды образ России — медведь с балаалайкой — уступил место новому, куда более комплиментарному. Теперь мы — «морское чудовище». Когда один из журналистов поинтересовался у представителя госдепартамента США Хизер Науэрт, насколько безопаснее станут американские выборы после выслаки 60 российских дипломатов, она ответила, что радоваться рано, ведь «у России много щупалец». Наша страна — «морское чудовище из глубин».

Конечно, первое, что приходит на ум при подобном сравнении, — ответить в духе «А сами-то вы тогда кто?», тем более что согласно классической теории геополитики (британской, кстати) Россия — это центр «континентальной» цивилизации, в то время как Англия и США — «морской», которой в качестве символа подошло бы чудо-юдо со множеством щупалец.

Однако придуманный Хизер Науэрт новый образ России — не от желания оскорбить, это — типичная «оговорка по Фрейду». Дело в том, что морские монстры — гигантские кальмары, спруты и кракены — едва ли не любимый образ голливудских киношников. Он идет в ход, когда надо показать персонажиру зло, с которым невозможно договориться, а потому любой «хеппи-энд» должен сопровождаться непременно физическим уничтожением противника.

Именно этот стереотип восприятия нашей страны последние годы усиленно насаждается в общественном сознании Запада всеми возможными средствами печатной, теле- и интер-

нет-пропаганды. Задача — зафиксировать, что:

- 1) Россия — это злобный монстр, относиться к которому по-человечески невозможно;
- 2) даже самая безумная версия о «преступлениях» России достоверна (почему — см. п. 1);
- 3) любые действия в отношении России правомочны и допустимы (почему — см. п. 2).

Примером того, насколько удачно идет внедрение схемы, стала поправка недавно в СМИ официальная британская презентация по «делу Скрипаля», содержащая те самые давно анонсированные Лондоном «неопровержимые доказательства виновности России». В итоге явлено публике было шесть картинок.

На первой — название документа. На второй — список заявлений по поводу «дела Скрипаля» британского правительства и других инстанций. На третьей — люди в противогазах и заключение экспертов из химической лаборатории Минобороны в Солсбери: «Мы не сомневаемся в том, что за это ответственна Россия». На четвертой — данные о числе пострадавших и справка о влиянии на организм нервно-паралитического газа. На пятой — факты «российской агрессии», долженствующие убедить, что наша страна «способна на всё». В их числе — Крым, Донбасс, Южная Осетия, «вмешательство в американские выборы» и даже... «кампания по дезинформации в

связи с делом девочки Лизы Ф.», изнасилованной в Берлине в 2016 году арабским иммигрантом. И шестой слайд — ответные меры. В итоге на основании этих шести картинок — без единого доказательства — делается вывод о «виновности в химической атаке» России. Бред? Разумеется. Однако союзники Англии по НАТО этому немедленно «поверили» (или сделали вид, что поверили). «Из солидарности» с Великобританией, выславшей 23 сотрудника российского посольства, США отправили домой 60 россиян, США отправили и 12 сотрудников миссии ООН. Примеру «старших товарищей» тут же последовали еще ряд европейских стран и Канада.

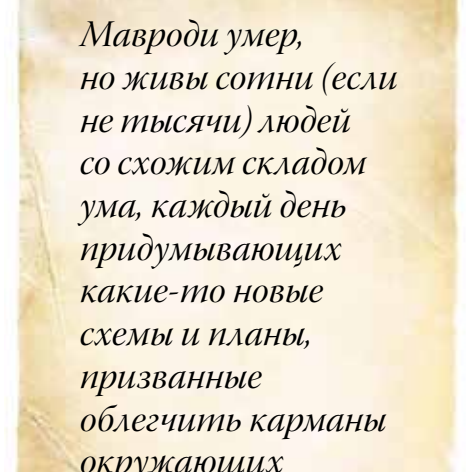
Разумеется, в числе наиболее активных — восточноевропейские сателлиты Америки из «бывших наших» — прибалтийские литовцы и, конечно, Украина. Последняя в верноподданническом угаре попыталась переадресовать всех и выслаивает 13 россиян. Кроме того, генсек НАТО Йенс Столтенберг принял решение об отправке 10 человек из представительства России при Североатлантическом альянсе, что выглядит совершенным безумием на фоне постоянно обостряющейся обстановки в Сирии.

Правда, по словам Сергея Лаврова, некоторые европейцы, выслав «из солидарности» одного-двух наших дипломатов, потом звонили и извинялись, объясняя, что просто вынуждены были так поступить. «Евро-атлантическая солидарность», понимаете ли... Справедливости ради отметим, что не все страны покорно решили «идти в ногу»: десять государств выдворять россиян отказались.

Наши западные партнеры настолько увлеклись голливудскими сюжетами с примитивными злодеями и океанскими монстрами, что уже перестали отличать реальность от вымысла. Иногда подобное происходит с детьми, пересмотревшими «ужастиков» или заигравшимися в компьютерные игры. Теперь безумие охватило не простых обывателей, а руководителей государств, решающих вопросы войны и мира.

Впрочем, безумие ли это? Не игра ли в пошлость и полное отсутствие здравого смысла, призванная запугать, сломать оппонента своей неадекватностью, чтобы добиться уступок? Если это так, то вряд ли получится, потому что символ России — не морской спрут, а сухопутный бурый медведь. Без балаалайки. Его пугать — себе дороже выйдет.

Автор — сопредседатель движения «Народный Собор»

Автор — сопредседатель движения «Народный Собор»

Старший сын лейтенанта Шмидта

Антон КРЫЛОВ

УМЕР создатель «МММ» Сергей Мавроди, и в Сети снова начались бесконечные разговоры о «конце эпохи». Это, разумеется, в корне неверно. Эра ловких мошенников, которые способны убедить людей покупать то, что им совсем не нужно, и вкладывать деньги в сомнительные проекты, не закончится никогда. Пока есть деньги, будут и те, кто готов ради них на любой обман.

Мавроди традиционно сравнивают с Остапом Бендером, и отчасти наш комбинатор был самым заметным из коргорт детей лейтенанта Шмидта, самым старшим, если продолжать метафору. Но к чему литературные персонажи, когда и в реальности хватает подобных героев? Разве не такими же «строителями пирамид» являются многие делегеры, которые берут у людей деньги за еще не построенное жилье и ни в чем себе не отказывают? Не мошенничеством ли занимаются разнообразные «стартаперы», собирающие деньги на заведомо невыполнимые проекты?

Сегодня грань между изобретателем и мошенником настолько тонка, что определить ее крайне сложно. Несмотря на то, что все созданные Мавроди финан-

лантом создателю вокруг себя и своего де-тища культ, сравнимый с религиозным. Поклонников Илона Маска регулярно называют «сектой». Более того, покойный Стив Джобс (он прожил еще меньше Мавроди — 56 лет) сумел придать основанной им в 70-е годы компании Apple второе дыхание, объединив любителей продукции этой фирмы в подобие средневекового ордена, знаком принадлеж-ности к которому является тот или иной гаджет с надкушенным (вряд ли этот символ требует объяснения) яблоком.

И главная задача преемников Джобса — не создавать действительно инновационные продукты, а поддерживать в пастве ощущение избранности, возникающее при покупке компьютера или телефона (планшета, часов и т.д.), которые по техническим характеристикам ничем не отличаются от аналогов без изображения надкушенного яблока, но стоят в полтора раза дороже.

Именно поэтому мошенники всегда будут идти рядом с изобретателями. Если самые современные компьютеры и телефоны, электрооборудование и даже космические корабли продают с помощью социальных технологий, то с какой стати эта ситуация должна измениться?

Мавроди умер, но живы сотни (если не тысячи) людей со схожим складом ума, каждый день придумывающих какие-то новые схемы и планы, призванные обогатить карманы окружающих. А миллионы обывателей готовы обманываться и стремиться за призрачным счастьем. Не потому, что не хватает ума или грамотности, не из-за жадности или какой-то иной, вполне рациональной причины. Просто потому, что, как пелось в известной песне, «устроены так люди».

Сергей Мавроди — зеркало, в которое всем нам стоит иногда посмотреть. У каждого ведь — свой Комбинатор, не застрахован никто, и пусть это извистит нас от лишнего высокомерия в отношении тех, кто был обманут «МММ», влажился в стартапы или поверил в чьи-то золотые горы.

Автор — публицист

Автор — публицист

Не валить в одну кучу

Станислав СМАГИН

ЭКОЛОГИЯ — одна из главных болевых тем последних нескольких лет. Очередной по-стоящему тревожный звонок — скандал со свалкой в подмосковном Волоколамске: люди устали от того, что им нечем дышать, и после отравления детей вышли на улицу. Почти все участники и комментаторы акцентировали внимание на социальном и политическом аспектах истории, но отдельного разговора требует и непосредственно экологическая часть проблемы.

Было бы странно искать в случившемся хорошее, но оно есть. Слабый и условный, но несомненный плюс — запах, тот самый, о котором постоянно упоминали жители. Люди, живущие рядом с уральским городом Кыштымом, где в 1957 году произошел взрыв емкости с радиационными отходами, ничего бы не заметили до начала массовых смертей — к счастью, их вовремя эвакуировали. Химическая и радиационная опасность может быть и невидимой, а оттого еще более страшной.

Что ясно совершенно точно — растет и без того гигантский разрыв между развитием технологий и потребностями (в самом широком смысле этого слова — включая, например, расход электроэнергии) и моральной эволюцией самого человека. Мы не готовы противостоять вызовам, которые сами и создаем. Вред от необустроенных свалок, принимающих ядовитые отходы, очевиден. Но и совсем без них пока обойтись не получится. Нужно решать не одну, а сразу несколько проблем, но не скопом, а по отдельности, жестко и последовательно.

Первый и самый логичный вопрос: как — на волне общественного недовольства (справедливого, будем откровенны) — впасть в буйство луддизма, которое нам предлагают соединившиеся в странный альянс ультрапрогрессивные «зеленые» и ультраконсерваторы? Необходимо

стараться, чтобы рост уровня ответственности если не обогнал темп развития технологий, то хотя бы дышал ему в затылок. И здесь особая надежда на интеллектуальный класс и простых, но разумных и прагматичных граждан, мыслящих категориями не экологического краснорядия, но здравого смысла: если долго и упорно мусорить, рассчитывая на то, что «свалка все исправит», то в итоге помойка окажется вокруг тебя.

Сказанное нами ни в коем случае не стоит расценивать как попытку размыть вину за волоколамское бедствие и тем более переложить ее на простых жителей, как пострадавших, так и их родных и близких.

Проблема сегодня состоит в том, что нам придется учиться новому технологическому укладу, живя в старом. Свалки не исчезнут завтра, без свалок нельзя, но и терпеть их дальше все труднее. На смену культуры обращения с отходами нужны десятилетия: обустроить среду обитания придется буквально «с колес», это очень трудная, но посильная задача, которая покажет, чего мы стоим — не в мессианском, а в бытовом, обывательском плане, насколько нация в состоянии решать технологические задачи.

Важно избежать одной напасти. В обсуждении волоколамского бедствия она пока прямо не проявилась, но, кажется, именно что «пока». Спровоцированный подмосковными событиями большой разговор об экологии вряд ли без нее обойдется. Речь идет о глобальности выводов и обобщений, о том, что тяжело дышит под горами мусора и облаками ядовитых испарений всему земному шару. От «чистого Волоколамска» мы почему-то сразу переключаемся к «чистой планете», минуя «чистую Россию». Зря.

Автор — публицист

Женщина, которая живет

Владимир МАМОНТОВ

ЯНЕ САМЫЙ большой фанат Аллы Борисовны Пугачевой. Вряд ли она огорчится, если даже узнает об этом: у нее есть всенародная, всепоглощающая, абсолютно заслуженная любовь. И несколько совершенно потрясающих песен: «Летние дожди», «Мне нравится», «Улетай, туча»...

И «Этот мир придуман не нами»: «Один лишь способ есть нам справиться с судьбой, / Один есть только путь в мелькании дней. / Пусть тучи разогнать нам трудно над землей, / Но можем мы любить друг друга сильнее».

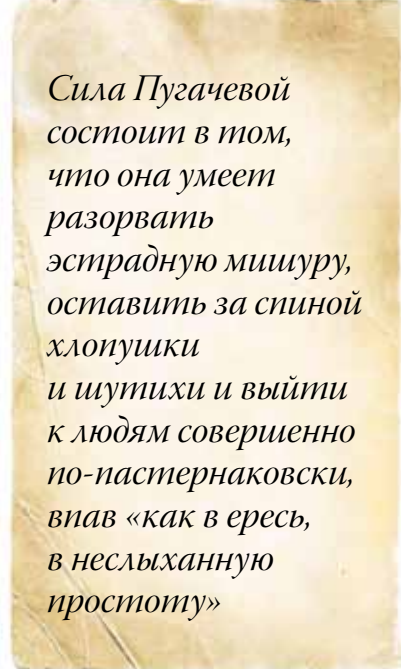
Как хорошо она поет эти немудреные, но искренние строки! Просто, прозрачно, нежно, прося прощения у кого-то невидимого за минутный гнев или минутную слабость. Не случайно даже хор Сретенского монастыря подхватывает ту интонацию Аллы — и гимном, госпелом летит песня Александра Зацепина на слова Леонида Дербенева.

Для победы над забвением хватило бы и одной этой композиции, но у знаменитых певиц и обожяемых народом женщин так не бывает. Им дарят миллион роз, меньше не положено. По их реке обязательно должны плыть сяды паромщицы (в Финляндии, кстати, паром назвали Алла — в ее честь), век им отмеряют старинные часы. Когда ты примадонна и народная любимица, ты просто обязана быть царственной. Пафосной. В блестках. У тебя все на нервяке. Тревожен путь. Когда не дают любимый номер в «Прибалтийской», истерзанная перестройкой и «борьбой с привилегиями» страна раскалывается на «как они могли» и «подумаешь, цаца». Последних — явное меньшинство. Впрочем, для душевного баланса королеве показаны внезапные признания поданным: «Точно так же я под вечер устаю и грущу, и реву иногда». На этом месте прорывает плотины стадионов и концертных залов, и миллионы выдыхают: «Как? И она? И грустит, и ревет? Та, у которой не мой сонный Вася в майке, а то Кир-

коров в перьях, то Галкин в очках? Ревет, прямо как я вчера?»

Пушкин об этом все написал: «не так, как вы, — иначе». Но это в частной переписке с Вяземским. Обожествляющим зрителям того знать не обязательно.

Жесткие правила долговечности эстрадных кумиров заставляют их

жить, как завещал великий Анджей Вайда — «Всё на продажу». К слову сказать, мы, слушатели, сами правили и установили: с глаз долой — из сердца вон. Вчера молились, завтра — «А, эхот...»

Ради того, чтоб не забыли, чтоб держать вольгову дугу искрящейся, у звезд идет в дело драгоценный материал — любовь, драма, привязанность, трагедия. Поздние дети, пышные свадьбы, скандальные разводы, похороны... Что-то из этого можно изобразить, сыграть, притвориться. Но у настоящих больших артистов траты эти взаправду велики. И подлинность в высочайшей цене. Не подделка.

Автор — журналист

Тем более глобальность кажется излишней в нынешней международной обстановке, когда слово «партнеры» без кавычек и иронии уже и употребляют советно. Философ Владимир Цымбурский однажды сказал: «В начале 90-х годов некоторые либералы из института философии ходили по коридорам и говорили: «Ребята, мы ведь все в одной лодке», — на что я им отвечал: «Вот именно потому, что мы в одной лодке, стратегическая задача — выкинуть другого за борт, и если он будет цепляться — стукнуть веслом по голове». В рамках экипажа «космического корабля Земля» ближайшее столетие будет идти свирепейшая борьба за то, кого вышвырнуть за борт без скафандра. Скажу вещь, которая может показаться диковатой, — хватит толковать о выживании человечества, вопрос надо ставить так: достойно ли оно выживания?»

Если метафора с выталкиванием конкурентов за борт слышном кровожадна, скажем по-другому — надо навести порядок и чистоту в собственной каюте. Экологическая безопасность и социально-политические условия ее обеспечения в пределах России — никак не меньший цивилизационный вызов, чем происходящее за нашими пределами. Не нужно извечного противопоставления: или качественные роддома с ровными дорогами — или активность на международной арене. Но и считать экологические бедствия в собственном государстве ерундой по сравнению с мировой политикой и внешними вызовами уже нельзя.

В итоге перед нами сегодня стоит простая последовательность. Нужно начать решать точечные региональные проблемы (одним Подмосковьем дело не ограничивается), держа в уме сложный переход к новой культуре и при этом не впадая в грех обобщений.

Прокати нас, Ноймайер, на тракторе

Елена ФЕДОРЕНКО

Большой театр на Исторической сцене показал премьеру балета «Анна Каренина» в постановке и оформлении Джона Ноймайера. Его гамбургская труппа представила хореографическую версию романа Льва Толстого еще летом. Это копродукция Гамбургского балета и ГАБТа.

Мощный бэкграунд гамбургского хореографа, американца по рождению, — первое образование с дипломом: театро- и литературоведение. Спектакли почитателя русской литературы по Пушкину, Чехову, теперь — по Льву Толстому — способ его личного общения с авторами.

Неуправляемые страсти, что вспыхивают помимо воли, невозможность понять друг друга и одиночество в конце жизненного лабиринта у Ноймайера не «привязаны» к определенному времени и месту. Психоаналитический разбор сдвигает действие в сторону современности, за бортом оказываются вековые устои теплых дворянских гнезд, традиции пышных балов со строгими фраками и шуршащими платьями. Автор спектакля отказывается в удовольствии придумывать ретроряды и нагружать сцену узнаваемыми образами блестящего Петербурга и домашней Москвы. Для того, чтобы мы поняли: мир может меняться, суть человека — нет. Не будь пробегающего по авансцене паровозика с вагончиками — не сразу догадаться, что представляют «Анну Каренину».

Сам Каренин — важная политическая фигура. Вокруг — неприступные охранники в черном и граждане с предвыборными транспарантами в руках. Вронский — спортсмен, мастер

неведомой нашим широтам игры лакросс. Левин в прикиде заокеанского фермера развезает на блестящем красной новеньком тракторе. В прелестной ручке Анны — то мобильник, то тонкая сигарета. Неправдоподобие зашкаливает, — подумает зритель и поспешит: рефлексии и метания героев режиссуры не подверглись. Более того, ясные метафоры призваны «донести» толстовские мысли, от чего повторяются многократно. Огонек от сигареты — символ вспыхнувшей страсти. Станционный мужик, погибавший в самом начале спектакля, то и дело объявляется среди героев как знак беды или неотвратимый рок. Не раз мелькает алая сумочка героини, не давая забыть о ее раненом сердце. Еще из примет стиля Ноймайера — медитативная затянута и натуралистическая открытость ряда сцен. Например, сны героев и эпизод в Опере, где Анна вступает в контакт с Татьяной Лариной, или гипертрагический драматизм картины родов. Отношения пар: греховные (Анна — Вронский), идеалистические (Кити — Левин), кризисные (Анна — Каренин), обманные (Доли — Стива), — все представлены бережно, по оригиналу, с пронзительными акцентами. Сложиться в цельный спектакль «Анна Каренина» мешают два смыслообразующих просчета. Партитура, собранная по принципу иллюстраций к эмоциональному ряду из «нарезки» музыки Петра Чайковского, Альфреда Шнитке и Кэта Стивенса, печалит отсутствием сквозной музыкальной драматургии и изначально разграничивает действие на эпизоды. Отлично звучащий оркестр под управлением маэстро Антона Гришанина помочь бессилён.

Центр притяжения для хореографа-европейца — главная героиня, но толстовская Анна так заморочила ему голову своей странной душевной организацией, что «под

Светлана Захарова — Анна Каренина, Семен Чудин — Каренин, Денис Родькин — Вронский

Денис Родькин:

«Со Светланой Захаровой мы стали родными людьми»

1 **культура:** Каким Вы видели своего Вронского?

Родькин: Сильным и харизматичным. Он хорош собой и уверен в себе, потому Анна в него и влюбляется, но немножко ветрен: не хочет обременять себя серьезными отношениями и обязанностями. Встретив Анну, понимает, что она тот идеал женщины, о которой он мечтал. Она перерождает его внутренний мир.

культура: Ваш герой разочаровывается в Анне?

Родькин: Не то чтобы разочаровывается. Ему становится тяжело с ней: она начинает его dico ревновать, замыкается в своих мыслях, ее мучает любовь к сыну, которого она не видит. Вронскому это надоедает — для нормально человека такая реакция законно.

культура: Вы внутренне не сопротивлялись переносу сюжета Льва Толстого в наши дни?

Родькин: Поначалу не понимал, зачем. Но когда начали репетировать, включились в активную работу, то прочтение Ноймайера захватило, показалось интересным. Джон абсолютно погружен в роман. Ему важно показать, как меняется мир героев: успешного политика Каренина, спортсмена Вронского, Анны, в начале образцово хорошей жены и матери, а затем... Думаю, это эксклюзивное видение хореографа, и я понял, что никого слушать не надо — только его.

культура: Балетмейстеры делятся на диктаторов, которые требуют неукоснительного воплощения своих задумок, и демократов, прислушивающихся к предложениям исполнителей. Какой вы — Джон Ноймайер?

Родькин: Он не мешает артистам, но если ему что-то не нравится или он замечает отступление, хоть малейшее, от хореографии, то сразу дает понять, что этого делать нельзя. Так что в нем есть и то, и другое. Джон — мягкий человек, никогда не давит, с ним приятно работать, нет ощущения паники. От него исходит спокойствие.

культура: А вы сами спокойный человек?

Родькин: Когда как.

культура: Вас трудно представить шумным, раздраженным...

Родькин: Наверное, внешность такая. В театре, допустим, знают, что я не самый спокойный солист и могу показать характер, когда костюм, например, сидит на вырост, как случилось в «Каренина». Не понимаю — почему. Ведь я исправно ходил на все примерки.

культура: Как мальчик из интеллигентной семьи, но далекой от театра, оказался в балете?

Родькин: Я москвич, вырос в районе Покровское-Стрешнево. Мама хотела меня чем-то занять, отдавала в кружок гитары, на занятия степ-танцем. Потом она узнала, что на первом этаже нашего дома, а мы жили на третьем, открыта муниципальная детская балетная школа, и занятия в ней абсолютно бесплатные.

Туда меня и определили. Кто же знал, что в 2003 году эта школа при Московском театре танца «Гжель» приобретет статус государственного хореографического училища с профессиональным дипломом. Я учился поначалу без особого удовольствия и без какого-то конкретного стремления — стать премьером Большого театра, например. Все шло своим чередом, постепенно и правильно.

культура: Когда захотели стать артистом балета?

Родькин: Учился в подготовительной группе, когда меня повели в Кремль на «Лебединое озеро». Весь спектакль проспал, мне казалось все очень скучным. В фойе продавались кассеты с записью спектаклей, дисков тогда еще не было. Мама спросила, какую мне купить. Я ответил: «Балет, где мужчины больше прыгают». Нам посоветовали «Спартак» Юрия Григоровича. Когда я посмотрел этот мощный спектакль с Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым, то понял — только балет и ничего больше. Потом «втянулся» и в классику, захотелось ее танцевать.

культура: Скоро полувековой юбилей «Спартак», и вы — в заглавной партии.

Родькин: Мое первое сильное впечатление в Большом театре — прогон «Спартак».

Прошли годы, и в один прекрасный день Юрий Николаевич предложил мне подготовить эту роль. Сам пришел уже на вторую репетицию — со мной случился шок, я сжался от испуга: в том, что Григорович рядом, в зале, было что-то нереальное. Для меня этот хореограф — второй Петипа, один в одном ряду.

культура: Конечно, история балета второй половины XX века определена Юрием Григоровичем...

Родькин: Скажу больше. Если бы не Юрий Николаевич, то не было бы того Большого театра, который мы сейчас имеем. Он поднял балет на небывалую высоту. Я благодарен ему за то, что он мне доверяет свои спектакли. Поначалу он с опаской ко мне присматривался, а потом нам тепло относиться, я это чувствую. Мне хочется отвечать ему взаимностью и радовать. Когда его балеты проходят на высоком художественном уровне, то у него сразу меняется настроение, он становится другим. На оркестровых прогонах он всем дает нагоняй, но, если бы этого не было, спектакли шли бы слабея. Он умеет собирать труппу.

культура: Вы — гордость школы «Гжель». Ее основатель балетмейстер Владимир Захаров гордился Вами, показывая как талантливого мальчика. Обычно такие переводятся в Академию хореографии. Вы же остались в альма-матер. Почему?

Родькин: Мне предлагали, но я был патриотом, да и Владимира Михайловича не хотел предавать. Мечтал о том, что у меня сложится своя судьба — выпускника молодой школы «Гжель», который чего-то достиг. Не хотел повторять стандартный путь мальчика из МГАХА, что пришел в кордебалет Большого театра...

культура: Вы первый из «Гжели» попали в Большой театр?

Родькин: Да. Владимир Михайлович меня очень любил и часто говорил: «Тебе надо танцевать со Светланой Захаровой».

культура: Как в воду глядел.

Родькин: К сожалению, он не дожил до нашего дуэта со Светланой. Думаю, если бы он сидел в зале на нашем «Лебедином озере», то весь спектакль бы плакал от радости. Он ведь был романтиком и очень сентиментальным.

Помню, когда Захаров читал стихи, то всегда ронял слезу.

культура: Если бы вы не стали артистом балета, какую профессию бы выбрали?

Родькин: Детские фантазии — машинист поезда и футболист. Когда повзрослел, не сомневался, что путь артиста балета — мой, и никакого иного быть не может.

культура: Как оказались в труппе Большого?

Родькин: Случайно. В выпускном классе поехал в Петербург просматриваться в театр Эйфмана. Борис Яковлевич меня взял и даже предложил две роли — Ленского в «Онегине» и Базилля в «Дон Кихоте». У меня был запланирован второй просмотр — в Большой театр, хотя знал, что шансов на 90 процентов нет, видел, сработали оставшиеся деньги.

культура: Неужели главный театр страны выбирал танцовщиков из первых выпусков молодых альтернативных школ?

Родькин: Андрей Евдокимов, мой педагог, солист Большого, сделал пропуск и договорился, что я покажусь. Очень волновался, но успокаивал себя тем, что за спрос, как говорят, денег не берут. Через три месяца, когда мы оказались в «Гжели» на школьных гастролях в Сирию, там еще не было войны, раздались телефонный звонок от тогдашнего заведующего балетной труппой Геннадия Янина: «Мы вас берем, высокие и складные ребята нам нужны в кордебалет». Тепло, солнце, бассейн и такое счастье — приглашение в Большой.

культура: Можете назвать несколько событий, повернувших в Вашу сценическую жизнь?

Родькин: Меня собирались отчислить из подготовительной группы школы. Меня невзлю-

била педагог, так бывает, не нравилась я ей — и все. Вступился Захаров: «Давайте пока оставим, мальчик — ладный, может, у него сложится». Второй момент — класс Николая Цискаридзе. Многие отговаривали — не стоит, он давит своим авторитетом и слишком строгий. К жесткой дисциплине меня приучили в «Гжели», так что советы меня не остановили. Николай Максимович сразу сказал: «Если хочешь хорошо танцевать, начиная думать головой». У меня это отложилось. Третье везение — встреча со спектаклями Григоровича. Тогда в Большом был сложный момент — все помнят эти события (нападение на Сергея Филина. — «Культура»), и меня, ученика Цискаридзе, не очень хотели ставить в репертуар. Тогда прошел прогон «Ивана Грозного», Григорович при всех похвалил моего Курбского. Домой шел окрыленный. Почти сразу Юрий Николаевич доверил Спартак. Четвертое счастье — дуэт со Светланой Захаровой. После ухода на пенсию Андрея Уварова она осталась без партнера, я тоже переживал нелегкие эмоции: мне пообещали Принца в «Щелкунчике», потом из составов убрала, было обидно. Я ухватился за предложение Светланы выучить партию Хозе в «Кармен-сюите» для вечера в Мариинском театре. Мы станцевали, наш дуэт понравился. Так и началось — стали набирать совместно спектакли, самые разные. Сейчас я чувствую себя рядом со Светланой не как чужой человек, мы стали родными и понимающими друг друга людьми.

культура: Вы общаетесь с Николаем Цискаридзе?

Родькин: Да. Некоторые сумасшедшие считали, что я его предал тем, что не поехал за ним в Петербург. Но мы с Николаем Максимовичем обсуждали будущее, и он сказал, что мне надо остаться в Большом и усердно работать. Он верил в мой успех.

культура: Вы — танцовщик классический — исполняете немало партий современного репертуара. Сложно работать в этих разных системах?

Родькин: Сегодня, после современной «Анны Карениной», с трудом представляю, как наде-

ванес» ему пришлось чуть ли не лишиться ее рассудка. По Толстому эта странная женщина — не жертва лицемерного окружения, и она не может быть счастлива ни при каких обстоятельствах. В силу своего характера, развешаемого страданиями, ревностью, греховностью и ощущением неизбывного сиротства. Она истязает себя позором, разрушает себя жаждой мести. Лев Николаевич отмечает, что в ее прелести было что-то ужасное и жестокое». Не потому ли, что так манит тайна Анны, роман, созданный 140 лет назад, прочно прописался в кинематографе и на театральной сцене.

Спектакль Ноймайера между тем оказался зрелищем интригующим и пленяющим танцами — разнообразными, фантазийными, красивыми.

Все без исключения исполнители создают запоминающиеся образы, и говорить о технике танца даже не стоит, потому что любой жест, любое па подчинены у хореографа-режиссера выражению характера. Анна для Ноймайера — натура бесспорно яркая и цельная, хотя ее и ломает мир, почитающий страсть за преступление. Светлана Захарова — органичная и искренняя, ведет роль без нажима и четкой пунктуации. Вместо запятых и восклицательных знаков — сплошь многоточия, в душе — загадочная бездна. Избалованный красавец Вронский, с равнодушием бросающий невесту, у Дениса Родькина похож на ребенка, откидывающего прочь надоевшую игрушку. Его честолюбивый эгоист близок герою романа: «Он скоро почувствовал, что осуществление его желания доставило ему только песчинку из той горы счастья, которой он ожидал». В диалогах Захарова и Родькин внимательны к мелочам и нюансам: дуэты нерадостного праздника утоленной страсти и выяснения отношений под голубым небом Италии за-

поминаются особо. Каренин Семена Чудина — безкоризненная машина по выполнению дел государственных, благонадежный человек, не способный любить. Танцовщик ни разу не переходит на шарж или гротеск, больше других актуализируя персонажа, персаженного на почву современности.

Кити Дарьи Хохловой — трогательная нежная барышня. Когда Левин катает ее с младенцем на руках на тракторе, возникает ощущение нереальной гармонии отношений. Даже не верится, что совсем недавно она испытала недетскую боль, что будущему мужу пришлось буквально ставить ее на ноги. Образ Левина, мечтателя и идеалиста, в исполнении Дениса Савина — один из самых ярких в спектакле. Его неуклюжесть — суть продолжение человеческих достоинств, не вписывающихся в табели светских манер и привычек. От первого соло в кожаных штанах и ковбойской шляпе и до танца косарей, где закиглет сам барин, он — живой и наполненный непоказными чувствами.

Тонко простроена сюжетная линия Доли и Стивы. Он — Михаил Лобухин — неисправимый ловец и бестолковый ветренник, она — Анастасия Сташкевич — мать, давно распрощавшаяся с прекрасными иллюзиями, нежная и нервная, обаятельная и печальная. Сережа Каренин у Ноймайера — не привычный мальчик из балетной школы, а взрослый актер, играющий ребенка. С этой чрезвычайно сложной задачей убедительно справляется Григорий Иконников. Хореограф и исполнитель увлечены не ситуацией, а судьбами, что складываются на распахнутом продуваемом просторстве сцены, обставленной светлыми конструкциями — африками домов, внутри которых «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастна по-своему».

ну сейчас у нас, по-моему, нет крепких союзов. Может, отчасти из-за конкуренции. Профессиональный век короткий, все хотят побыстрее что-то станцевать, одному достается роль, другому — нет, появляются ревность и обида, а искренняя дружба в таком климате не может жить.

культура: Почему вы отказались участвовать в «Нурееве»?

Родькин: Роль Эрика Бруна очень маленькая — всего пять минут на сцене. Да и побывать тенью Нуреева мне было не по душе.

культура: А на заглавную партию согласились вы?

Родькин: Сомневаюсь, что смог бы создать образ Нуреева. Его мы знаем — это не Спартак, не принц, не князь Курбский. Танец Нуреева запечатлен на видеозаписях, сохранилось большое количество документальной хроники, о нем много написано. Он такая неординарная личность, которую изобразить, по-моему, невозможно. Думаю, что в любом случае отказался.

культура: Ваша эффектная внешность кинорежиссеров еще не заинтересовала?

Родькин: Приглашали на кастинги, но как-то я до них не доходил.

культура: Выходной день как проводите?

Родькин: Последнее время очень много работы, и в понедельник отсыпался и отлеживаюсь. Люблю посмотреть фильмы.

культура: Это тоже можно лежать в постели...

Родькин: Когда позволяет время, иду на оперу, но не в Большой. Там место работы, и события от похода на спектакль не получаются. Иду в Музыкальный театр Станиславского на «Хованщину», «Сказки Гофмана» или «Пиковую даму», в «Новой опере» недавно слушал «Фауст» и «Ромео и Джульетту».

культура: В зале мне не раз показывали Ваших родителей. Они стали балетоманами?

Родькин: Особенно папа, хотя раньше на балете скучал, не понимал его и даже недолюбливал. Но «Спартак» с сыном в главной роли перевернул его мировоззрение. Теперь ходит на все спектакли с удовольствием.

Александр Городницкий:

«Бардовская песня — термин не русский»

Денис БОЧАРОВ

Недавно поэт и ученый Александр Городницкий отметил 85-летие. Этого человека можно с легкостью назвать и физиком, и лириком. Он был на Крайнем Севере и в Антарктиде, видел морское дно и звезды, любим за десятки стихов и песен, в которых соединились романтика дальних странствий и любовь к Отечеству, мужественное принятие собственной судьбы и легкая ирония. С юбилеем пообщался корреспондент «Культуры».

культура: Чему Вы сейчас отдаете предпочтение: научной деятельности или песенному творчеству?

Городницкий: Слава Богу, у меня практически не бывает свободного времени, постоянно загружен какими-то делами. Когда я был еще юн, мечтал вообще ничего не делать, скажу вам откровенно. Рассуждал примерно так: окончу институт, стану инженером, и дело с концом. Однако потом смекнул, что быть рядовым инженером не очень-то интересно — лучше стать научным работником, как-никак они о чем-то важном размышляют, что-то делают, решают различные вопросы и все в этом духе.

Но опять же, став научным работником, прикинул: надо защитить диссертацию, поскольку у кандидатов один свободный день в неделю, а у докторов — целых два плюс большой отпуск. Защитился, стал заведующим лабораторией, нацелился на то, чтобы быть профессором. И так далее. То есть, понимаете, все время пытался достичь такого положения, когда можно будет спокойно отдыхать и ничего не делать. Но в итоге понял: самый главный эксплуататор — это ты сам. Потому что даже если никто тебя не заставляет, ничего не делать попросту не получается. Человек без работы — пропащее существо. Особенно ясно это осознаешь, когда наступаешь какой-то запредельный возраст. Чувствуешь, что если ничем не будешь заниматься, заболеешь, ляжешь и помрешь.

Поэтому я постоянно чем-то загружен. Во-первых, у меня в работе две статьи, которые необходимо срочно заканчивать, во-вторых, недавно получил грант на разработку нового проекта в Институте океанологии РАН РФ, научным руководителем которого являюсь. В-третьих, в ближайшем будущем должна выйти моя книга стихов, написанных только лишь за последние два года. А 4 апреля в ММДМ пройдет мой сольный концерт. Словом, времени постоянно не хватает, и это замечательно, поскольку думать о болезнях некогда.

У меня огромная библиотека, которую собирал на протяжении всей жизни (первая, кстати, сгорела еще во времена блокады). Тайно надеялся: вот стану старым — и буду читать в свое удовольствие. Ничего подобного. Скорее всего, такой момент не наступит в моей жизни никогда.

культура: И все-таки, а что бы Вы назвали главной страстью — науку или песню?

Городницкий: На этот вопрос всегда отвечаю примерно одинаково: одна — жена, вторая — любовница. Но если бы меня кто-то спросил более предметно, дескать, кто все-таки жена, а кто любовница, боюсь, однозначно ответить затруднился бы. В равной степени люблю и то, и другое. Испытывал равное счастье как от написания песни «От злой тоски не матерись», так и от получения официального документального подтверждения своих изысканий о формировании вулканических подводных гор и островов в океане, в соответствии с которыми высота палеовулканов связана с мощностью несущей литосферы (улыбается).

У меня в жизни все взаимосвязано. Если бы я не начал писать стихи в седьмом классе, вряд ли бы выбрал профессию, которой занимаюсь. Поскольку в школе терпеть не мог химию, не увлекался геологией и так далее. Получается, я выбирал не профессию, а образ жизни — экспедиции, приключения. Ничего более интересного для меня нет.

При этом, уверен, подлинное выражение человека творческого не в науке, а в искусстве. Ведь, если бы Эйнштейн не создал теорию относительности, кто-нибудь обязательно сделал бы это вместо него, если бы яблоко не стукнуло по голове Ньютона, непременно нашелся бы другой условный Ньютон. А вот написать строки «О память сердца! Ты сильней рассудка памяти печальной» никто, кроме Батюшкова, наверное, не смог бы.

2018

В экспедиции в Туруханском крае (второй справа). 1960

Благотворительная акция «Рождественская азбука». 2010

культура: Каково ощущать себя одним из основоположников жанра авторской песни? Не тяжела шапка Мономаха?

Городницкий: Вы знаете, авторская песня — понятие вообще неуклюжее и притянутое за уши. Ну что это такое? У каждой композиции есть автор по определению. Бардовская песня — термин еще более дурацкий. Хотя бы потому, что не русский. Какие мы барды? Я, например, вообще не умею ни на чем играть, музыкального образования у меня нет. Являясь автором четырех или пяти толстых музыкальных изданий, прочесть нотную запись этих произведений не могу. В Горном институте, который я окончил, сольфеджио не преподавали.

Один неглупый человек сформулировал следующим образом: «автор-

ская песня — музыкальное интонирование русской поэтической речи». Что из этого следует? Главное — поэзия. А музыка здесь несет лишь вспомогательную функцию. Выньте из так называемой авторской песни поэтическую основу, и ничего не останется.

культура: Позвольте с Вами не согласиться. А как же Окуджава, Визбор, Никитин, Высоцкий?

Городницкий: Высоцкий — отдельная история. Очень трепетно отношусь к этому человеку. Был с ним лично знаком — другое дело, что, в отличие от многих, никогда не стремился записывать себя в число его лучших друзей. Неприятная картина: после смерти Высоцкого количество его друзей и любимых женщин возросло в геометрической прогрессии. Посмотрите на все эти открытия, льются с телеэк-

рана: выходит, все мужики с ним пили, а все женщины спали.

С Владимиром мы приятельствовали еще до того, как он женился на Марине Влади. Несколько раз был у него в гостях, он звал меня на свои спектакли, я даже имел счастье пару раз выступить с ним вместе на литературных вечерах. Он переживал об одном, говорил: «Эх, Саня, вроде любит меня народ, но дожить бы до того момента, когда моя афиша будет не от руки нацарапана, а официально напечатана. Но, боюсь, не дотяну». Так и случилось.

Сейчас налицо некое шельмование имени Высоцкого. С одной стороны, из него пытаются сделать какого-то патристического конформиста, с другой — растаскивают по частям, перепевают на разные лады, от псевдожазовых до ультрапопсовых обработок. От этого мне немного не по себе.

Высоцкий — один из крупнейших поэтов XX века. Вы только вслушайтесь: «Казалось мне — кругом сплошная ночь. Тем более что так оно и было», — это же гениально! У меня буквально мурашки по коже...

При этом так называемые общепризнанные поэты воротили нос от Высоцкого, снисходили до него. За исключением, пожалуй, Бродского, и не случайно, видимо, потому что он один из немногих, кто может быть причислен к подлинным творцам русской литературы последних десятилетий. Даже Андрей Вознесенский доходил до эдакого «похлопывания по плечу», говоря о Высоцком: «Мой брат меньшей». Какой он тебе меньшей?!

Если же коснуться мелодической составляющей авторской песни, то в каждом стихотворении изначально заложено музыкальное прочтение. Но в одних ситуациях слушателю его удается, что называется, «раздобыть», а в большинстве случаев — увы. Сергей Никитин, которого я, кстати, считаю одним из величайших мелодистов нашей современности, однажды в ответ на мою похвалу выдал удивительную вещь: «Ну что ты, эта мелодия уже изначально была в стихотворении — я просто вывел ее наружу». Это очень похоже на высказывание одного знаменитого скульптора, который о своем творении отзывался: «Все было заложено в камне, я лишь убрал лишнее».

культура: То есть к авторскому прочтению следует подходить трепетно и излишне не экспериментировать, так как лучше сделать сложно, а испортить — в два счета?

Городницкий: Именно. Лучше авторского видения ничего быть не может. Тот же Бродский великолепно подавал собственную лирику.

Кстати, безмерно уважаемый мной Давид Самойлов однажды выдал следующую формулу: «Настоящие стихи не нуждаются в гитарной подпорке». Я эти слова запомнил, переписал и даже включил в собственную книгу воспоминаний. С другой стороны, утверждение спорное. Я ведь читал лекции об авторской песне и в России, и за рубежом. И всегда задавался вопросом: нужно ли великие стихи интонировать музыкальным образом или лучше оставить их в покое? По сей день однозначного ответа для меня нет.

«Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит» — нужен для этих стихов романс? Вы знаете, мне кажется, в данном случае музыкальное обрамление не помешает. Песня является наиболее массовым, демократичным и даже — возможно, выскажу спорную мысль — великим видом искусства. Особенно в России, где песне традиционно придавалось чуть ли не сакральное значение.

Позвольте обобщить стихами:

*Поэты песенку не любят,
Их по застольям не поют.
Они, как мыши, в книжной гряде
Вершат свой потаенный труд.
И над питьем склоняясь горьким,
Способны спорить дотемна,
Что, мол, гитарная подпорка
Стихам хорошим не нужна.
Поэты песенку не любят,
Ты их попробуй — просвети.
Надменно поджимают губы,
Встречая барда на пути.
И сложные, как логарифмы,
Для почитателей своих
Они придумывают рифмы,
Которых не было до них.
Подобно древнему Прокрусту,
Ведет поэт со словом бой,
Но иногда выдает грустен
Наедине с самим собой.
И был бы счастлив он, возможно,
Когда бы на своем веку
Придумал к песенке несложной
Одну нехитрую строчку.*

О, мой Мишель

Юрий КОВАЛЕНКО Париж

Клод Лелуш и Мишель Легран удостоены почетной награды «За вклад в российскую культуру». Композитор не смог присутствовать на торжественной церемонии, и награду вместо него получила жена, киноактриса Маша Мериль. Незадолго до этого она опубликовала автобиографическую книгу «Мишель и я», где поведала историю их любви.

Пара познакомилась более полувек назад на джазовом фестивале в Рио-де-Жанейро. Однако тогда их отношения не пошли дальше невинных поцелуев. Поскольку у каждого было свое дело, они благополучно решили остаться друзьями. Разлука оказалась долгой, но их ждала хеппи-энд: три с половиной года назад Маша и Мишель все-таки поженились. А затем и повенчались в русском соборе Святого Александра Невского в Париже. Для того чтобы вступить в брак, католику Мишелю даже пришлось перейти в православие.

— Самое главное для меня только начинается, — заявила тогда взволнованный музыкант. — Впервые в жизни знаю, что эта любовь — до гробовой доски. Однако ради Маши я проживу сто лет.

Чувства по-прежнему настолько сильные, что в своей книге Маша показала настоящий гимн любви: «Мне 77, а Мишелю — 86. Мы в отличной форме. Хочу сказать, что большая любовь — самое интересное в жизни». Правда, Легран поначалу противился публикации — смущали излишние «откровения». Без малейшего стеснения Маша описывает их первую брачную ночь, которой невероятно боялась: «Сняв ночную рубашку, я дрожала под простыней, но была настроена решительно...Никогда раньше не испытывала ничего подобного. Мы пребывали в состоянии невесомости среди далеких созвездий...»

Маше жалко тех, кто занимается сексом без любви, — они лишают себя духовной составляющей. Она против адольтера, который давно превратился в «спорт, сюжет для комедий и романов». Чувства к единственному избраннику возвышаются, тогда как увлеченность несколькими мужчинами сразу иссушает.

Целомудренный Мишель, убеждена актриса, не способен на предательство, потому что действительно умеет любить. На их семейном знамени начертан девиз «супружеская верность». «Измени утомить успели» — после первого брака у мужа была вереница романов, но он относился к ним с презрением, как к чему-то нечистоплотному.

— Наш возраст дает нам огромную свободу, — пишет Маша. — Мы с Мишелем каждый день проживаем как первый... С годами любовь становится чистой, бескорыстной и жертвенной. Она эликсир, источник неиссякаемого адреналина, терапия, вакцина, самое эффективное лекарство. Мишель не отдает себе отчета в том, какие удивительные эмоции вызывает его музыка. Он

кудесник, гипнотизер, священнослужитель.

Мериль убеждена: супруги должны не дополнять друг друга, а быть похожими. Сильная страсть дает творческий импульс. Мишель и Маша вместе сочинили оперу — она либретто, он музыку. Скоро ее поставят на сцене. Теперь они решили взяться за песни, которые она исполнит на сцене: «Может быть, они понравятся только нам двоим, но это не имеет значения».

«Мишель и я» — философское эссе, в котором писательница рассуждает не только о любви, но и о смысле жизни, о неотвратимости смерти.

Урожденная княжна Мария Владимировна Гагарина вспоминает маму, тоже Марию, которая в 1920 году вместе с родителями уехала во Францию, и ее старших сестер — близнецов Ангелину и Магдалину, оставшихся в Советской России.

Сестрам удалось повидаться лишь через четыре десятилетия на нейтральной территории — в Бухаресте. Днями и ночами они рассказывали друг другу о своей судьбе, и было непонятно, у кого она сложилась счастливее: «Моя мама думала, что ей в жизни повезло. Так же считали Ангелина и Магдалина».

Их депортировали в Сибирь, где они преподавали в школе иностранные языки, музыку, математику, географию и другие науки. Сестры усыновили двух сирот. Жизненные испытания они выдержали благодаря любви, вере и чувству юмора. С восторгом вспоминали своих учеников, несравненные чудеса природы, восхищались «грандиозными» озерами. Рассказывали о дружбе, патриотизме, о сострадании к жертвам войны, о поэзии, о литературных вечерах, которые устраивали в школах.

Ангелина и Магдалина оставались преданными России, своему Отечеству, и жалели «французскую» сестру.

В брежневские годы одна из сестер приехала в Париж. «Мама все время показывала ей красоты капиталистической страны, — вспоминает Маша, — магазин, освещенные улицы, отреставрированные памятники. Тетушка по-малкувала. Ничто не производило на нее впечатления».

Сестры писали картины. Одну подарили парижской племяннице. На ней молодая женщина в белом платье сидит под цветущим деревом. Для Маши это символ счастья.

Актриса признает, что для нее рассказы русской родины оказались шоком. Она долго размышляла и задавала вопросы: а не потеряла ли на Западе душу в вечном стремлении к эмансипации, потреблению и свободе? Да и в чем состоит она — эта свобода?

— Моя мама всю жизнь испытывала чувство вины за то, что бросила своих. Они умерли бедными и безмятежными. Я им обязана этим уроком. Я же не устояла перед искушениями консюмеризма. В развитых странах материальные потребности забывают наши головы новыми компьютерами, бытовой техникой, одеждой... Этому может противостоять только сильное духовное начало, — считает Мериль.

1 Большинство из них здесь — навсегда. Волонтеры, особенно те, к кому уже привыкли, для этих людей единственный свет в окне. Пришедших обнимают, буквально виснут на них — у многих больных нет больше никого: родители когда-то сдали их государству, а потом забыли или умерли. В большой комнате для занятий вместе (я тоже получаю импровизированную роль) разыгрываем небольшой кукольный спектакль из пластилиновых фигурок животных, сделанных жителями интернета в прошлый раз. Украшенные блестящими звери на склеенной из цветной бумаги «машине», взяв с собой провизию, под гимн Бременских музыкантов едут в Москву, попадая по дороге в разные переделки. Заканчивается все игровым пиршеством за общим столом и зажжением свечек в честь именинников, которыми оказываются по очереди все участники действия.

Эти большие дети искренне радуются устроенному для них маленькому празднику, аплодируют, расцветают улыбками. И все как один загадывают вслух одно и то же желание — поехать снова, как две недели назад, в Лукино. Тогда впервые в практике интернета этой группе инвалидов была позволена однодневная вылазка с добровольцами и одним воспитателем на частную животноводческую ферму в Тульскую область. Там они надыхались деревенским воздухом, впервые увидели коров, овец, кур, узнали, откуда берется молоко и каково оно — настоящее — на вкус.

Однако приходит пора расставаться. Поделки и нехитрый реквизит совместно убираются в шкаф и волонтерскую сумку. Яркое светит солнце, с крыш капает.

О состоянии и проблемах волонтерства в России мы побеседовали с руководителем «Даниловцев» Юрием Белановским.

Белановский: Мы возникли как общественное движение по инициативе нескольких человек, которые в то время подвизались в Молодежном центре при Даниловом монастыре. Был уже определенный опыт работы, нам здорово помогли психологи. Поскольку моя супруга Татьяна трудилась тогда в благотворительном фонде «Подари жизнь», я был шапочным знаком с основателем этой организации Галиной Чакиковой, поистине великой женщиной. Наше предложение — помогать в больницах пришлось очень кстати. Мы разработали занятия для потенциальных волонтеров и прочли несколько лекций в рамках православного лектория в Политехническом музее. Был аншлаг. А после этого все закрылось...

Поначалу клеили объявления в вузах, приглашали волонтеров. Сегодня они сами к нам приходят. Среди первых руководителей групп были и вожатые детского православного лагеря «Звезда Вифлеема» при Даниловом монастыре, у них был богатый опыт. А потом пошли люди и без педагогической практики.

культура: Почему вы не захотели влиться в уже существовавшую тогда православную службу помощи «Милосердие»?

Белановский: А зачем все централизовать? Для такого мегаполиса, как Москва, и пять таких волонтерских служб, как «Милосердие», будет каплей в море. Огромные организации терпят управленческие проблемы.

культура: Не возникает ли пересечений, дублирования?

Белановский: Спрос настолько больше предложения, что эти проблемы просто неактуальны... Даже если два разных движения пересеклись вдруг в какой-то из больниц, то пациентов и палат там столько, что они друг другу точно не мешают. Та же РАКБ — это целый микрорайон! И там работают множество волонтеров от разных фондов.

культура: Тестируете ли вы потенциального добровольца, прежде чем допустить его к работе?

Белановский: Мы проверим его адекватность, а также знакомство и согласие с обширным сводом наших правил. Создано подобие системы «одного окна» для претендентов: есть анкета на сайте, четкое расписание собеседований. Хотя процентов 70–80 наших волонтеров — верующие православные христиане, справку о хождении в храм мы с них, конечно, не спрашиваем, «Символ веры» читают тоже не просим. Мы бы даже не отказались, чтобы у нас появились и волонтеры-мусульмане, ведь среди наших «подшефных» есть люди разных конфессий.

Вообще мы очень четко разделяем катехизацию, миссионерство и социальное служение. Наши правила включают запрет на любую религиозную проповедь во время волонтерства. Оно уравнивается в правах каждого добровольца честно отвечать на вопросы о своей вере. Почему так? Мы же не знаем, что в голове у каждого волонтера: будет ли он от имени организации нести собеседнику истинные православия или какую-нибудь отсебятину. К тому же больницы нам

Юрий Белановский: «Волонтеры не проповедают, они помогают»

доверяют. И в профессиональном волонтерском сообществе нас оценивают не по вере, а по делам.

культура: Но вас воспринимают как православное движение? — хотя бы по названию?

Белановский: Не всегда. Случались и анекдотические прочтения, когда люди считали, что даниловцы — это от Даниловского рынка.

культура: По каким направлениям работают и по какому принципу распределяются ваши добровольцы?

Белановский: У нас сейчас 20 тематических групп, среди которых есть детские больницы, детдома и приюты, наркодиспансер, а также помощь бездомным и переписка с заключенными, опека над стариками, в том числе благотворительные ремонты. Каждая группа включает в себя актив от 7 до 15 человек, которые работают 1–2 дня в неделю. А вокруг них есть некие людские завихрения из других волонтеров, появляющихся время от времени. То есть актив около 350, а в базе — порядка полутора тысяч человек. Это люди, которые прошли через движение и до сих пор изредка помогают.

Увы, у нас пока нет руководителей групп, готовых работать в домах престарелых, развивать помощь инвалидам. А вот направление работы с заключенными — единственное, где действует запрет на христианскую проповедь, поскольку изначально из колоний в монастырь шли письма с просьбой о православной переписке. В рамках этой активности родилось то, чего не было в монастыре, — волонтерские поездки на зоны.

Мы с самого начала выработали свою «технологию»: не придумливаем заранее направление, куда потом агитируем идти добровольцев, а исходим из их собственных склонностей. В том числе с учетом ограничений, которые они сами обозначают. Например, один может и хочет работать с детьми на прогулках, другой хочет с ними заниматься развивающими играми и ни в коем случае не гулять. Все же РАКБ — это целый микрорайон! И там работают множество волонтеров от разных фондов.

культура: Как вы считаете, волонтерство — это больше проповедь или помощь?

Белановский: Спрос настолько больше предложения, что эти проблемы просто неактуальны... Даже если два разных движения пересеклись вдруг в какой-то из больниц, то пациентов и палат там столько, что они друг другу точно не мешают. Та же РАКБ — это целый микрорайон! И там работают множество волонтеров от разных фондов.

культура: Тестируете ли вы потенциального добровольца, прежде чем допустить его к работе?

Белановский: Мы проверим его адекватность, а также знакомство и согласие с обширным сводом наших правил. Создано подобие системы «одного окна» для претендентов: есть анкета на сайте, четкое расписание собеседований. Хотя процентов 70–80 наших волонтеров — верующие православные христиане, справку о хождении в храм мы с них, конечно, не спрашиваем, «Символ веры» читают тоже не просим. Мы бы даже не отказались, чтобы у нас появились и волонтеры-мусульмане, ведь среди наших «подшефных» есть люди разных конфессий.

чему-то не встречаем. Всех реальных коллег-добровольцев мы знаем в лицо. Впрочем, в некоторых региональных вузах волонтерская работа поставлена отлично — сам видел. Но и там она чаще всего распадается на отдельные акции.

культура: Каков портрет среднего добровольца?

Белановский: Западный опыт, как и весь их мир, — другая планета, в итоге мало что приложимо к нашей жизни. На нынешнем этапе волонтерское общество России может попробовать наводить какие-то мосты, обмениваться опытом, но десять лет назад это был бы разговор глухого с немцем. Я на заре нашей работы побывал на лекциях «Гринпис» для волонтеров —

выпускается много методических материалов. Пользуетесь ли наработками?

Белановский: Западный опыт, как и весь их мир, — другая планета, в итоге мало что приложимо к нашей жизни. На нынешнем этапе волонтерское общество России может попробовать наводить какие-то мосты, обмениваться опытом, но десять лет назад это был бы разговор глухого с немцем. Я на заре нашей работы побывал на лекциях «Гринпис» для волонтеров —

слушал с интересом, но не понимал, как это, собственно, ко мне относится... Мы ездили по приглашению Общины святого Эгидия в Рим — это огромная благотворительная организация в Италии. Смотрели, как там устроена подобная деятельность, что по сравнению с ними у нас уровень гражданской самоорганизации очень низок. Нам в отличие от них нужны центры кристаллизации активности, ее необходимо стимулировать и развивать. В западноевропейских странах люди готовы брать на себя гораздо большую личную ответственность, а все общество к этому более подготовлено.

культура: Чем занимаются даниловцы, когда встречаются с маленькими пациентами?

Белановский: Всем, что не запрещено администрацией, в зависимости от профиля учреждения, и что детям интересно: от подвижных игр на улице, до рисования и аппликаций. Практикуем мастер-классы — например, учим их создавать сувениры и даже организовывать путешествия. Есть домашние заготовки, методички, своя видеотека, в которой уже порядка четырехсот роликов, как организовать то или иное занятие. У нас подвизается потрясающая девушка Настя Коломина, которая была и волонтером, и руководителем группы. Она не на шутку увлеклась творчеством, в том числе изделиями из картона, так что даже вошла в специальное сообщество, стала участвовать как декоратор в выставках. Оказывается, из картона можно строить целые города...

культура: Как относятся к вашей помощи в медучреждениях?

Когда и почему человек отходит от этой деятельности?

Белановский: Это студент-старшекурсник или постдипломник 22–27 лет. Как я уже сказал, в нашем движении это по большей части верующий христианин или идущий в эту сторону. Девушек больше — 70 процентов. Примерно поровну технарей и гуманитариев. Стандартные причины отхода от активного волонтерства: женитьба и рождение детей, выход на постоянную работу с необходимостью ежедневного присутствия, переезд. То есть пока не «съела» карьера или семья. Из первого актива у нас остались единицы. Например, одна девушка, приходящая в Институт нейрохирургии имени Бурденко. Она не была ни на одном нашем собрании, но уже десятилетие занимается с детьми. У нас, кстати, возникает нередко семейные пары. Есть даже примеры, когда муж в такой паре рулет-волонтер во священника, а его жена соответственно становится попадей. **культура:** Часто ли новички разочаровываются? Случается ли у старожилов выгорание?

Белановский: Да, первое нередко происходит. Ведь действительность порой серьезно расходится с нашими фантазиями о ней. Например, не всегда сразу приходит отдача от подопечных в виде благодарности и любви. Особенно если они озлоблены, искоренены предыдущей жизнью. Порой, скажем, вместо радующих объятий медиков добровольные помощники встречают прохладное, а то и циничное отношение. Правда, стоит уточнить, что последние несколько лет мы с таким сталкиваемся все реже: даже самая мрачная больничная нянечка начинает понимать, кто мы такие и зачем приходим. Что же касается выгорания, то мы следим за тем, чтобы дебатант не пытался взять слишком много задач, не «сломаюсь» от эмоциональной и физической перегрузки. Бывает так, что человек отходит на месяц, а то и на год от волонтерства, а потом снова возвращается.

культура: Как относятся к вашей помощи в медучреждениях?

Белановский: Думаю, что оно только зарождалось. В нашем деле ведь прямо по Евангелию «жатвы много, а делателей мало». Знаю, что представители околосударственных структур со мной не согласятся. Цифры-то наверняка правильные, только качество волонтерских отрядов, создаваемых с помощью админресурса, часто оставляет желать лучшего. На бумаге они есть, чем-то занимаются, но в больницах, на вокзалах, в тюрьмах мы их по-

слушал с интересом, но не понимал, как это, собственно, ко мне относится... Мы ездили по приглашению Общины святого Эгидия в Рим — это огромная благотворительная организация в Италии. Смотрели, как там устроена подобная деятельность, что по сравнению с ними у нас уровень гражданской самоорганизации очень низок. Нам в отличие от них нужны центры кристаллизации активности, ее необходимо стимулировать и развивать. В западноевропейских странах люди готовы брать на себя гораздо большую личную ответственность, а все общество к этому более подготовлено.

культура: Чем занимаются даниловцы, когда встречаются с маленькими пациентами?

Белановский: Всем, что не запрещено администрацией, в зависимости от профиля учреждения, и что детям интересно: от подвижных игр на улице, до рисования и аппликаций. Практикуем мастер-классы — например, учим их создавать сувениры и даже организовывать путешествия. Есть домашние заготовки, методички, своя видеотека, в которой уже порядка четырехсот роликов, как организовать то или иное занятие. У нас подвизается потрясающая девушка Настя Коломина, которая была и волонтером, и руководителем группы. Она не на шутку увлеклась творчеством, в том числе изделиями из картона, так что даже вошла в специальное сообщество, стала участвовать как декоратор в выставках. Оказывается, из картона можно строить целые города...

культура: Как относятся к вашей помощи в медучреждениях?

В Москве «Даниловцы» входят в Союз волонтерских организаций и движение, а также в Благотворительное собрание «Все вместе».

Но я внесу поправку к сказанному, чтобы не возникло ощущения того, что для наших добрых дел позарез требуются какие-то специальные психологические знания, изощренные технологии. Нет достаточно личного сердечного движения и терпения. Любовь в сердце — самое главное. Когда наша волонтерка приходит в больницу, а к ней бежит маленькая пациентка с криком «Даша, я тебя ждала!» — вот это и есть самая суть.

культура: Получается, что вы формируете гражданское общество?

Белановский: Да, этот акцент для нас очень важен. Ведь зачастую волонтерство воспринимается только как помощь тем, кто в беде. Без сомнения, это важная составляющая. Но есть и другая, не менее ценная, часть — сами люди, которые пришли помогать. Речь идет о преображении души. И вот эту сторону часто не понимают чиновники, когда закрывают волонтерам дорогу. Хочется сказать им: «Вы не просто лишаете маленьких пациентов радости и, может быть, скорейшего выздоровления, но рубите на корню добрые устремления молодых людей, рушите их доверие к социальной сущности государства!» Доставший от советского прошлого чисто производственный подход «я лечу, а вы не мешайте» — далеко не самый лучший. Еще чиновники боятся, что волонтеры увидят какие-то нарушения, вынесут сор из избы. И все же тенденция эта переламывается — особенно активно последние лет пять. Например, вышло распоряжение пускать общественных в дом для умственно отсталых детей. Правда, психоневрологические интернаты до сих пор закрыты. А это аналоги тюрем: люди, без вины виноватые, живут за колючей проволокой совершенно бесправно. В некоторых из таких заведений есть карцеры.

Нам рассказывали, что как-то детей из такого специнтерната привезли в центр для творческих и развивающих занятий. Сотрудники подарили им воздушные шары, а они никак не реагируют. Оказывается, просто ни разу их не видели, не знают, что это такое. Потом эти дети ходили по комнате, заложив руки за спину, как в тюрьме... Сейчас готовится государственная реформа таких заведений, ведущая к их большей открытости, гуманизации. Я верю, что ситуация изменится. Как поменялась она, скажем, с усыновлением детей из детдомов. Сегодня для того, чтобы взять малыша в семью, придется за ним ехать на другой конец страны, а перед этим еще и в очереди подождать — так как «спрос».

В нашем обществе уровень недоверия к благотворительности еще очень велик. Идет «торговля эмоциями», сбор средств под портрет страдающего ребенка определенного типа. На Западе такого нет: там люди жертвуют лицензированной благотворительной организации — просто на всех детей, доверяя дальнейшему распределению средств. Но у нас на белокурую девочку из Рязани деньги дадут, а на под-

ростка-таджика — ни за что! Так что некоторые фонды под эту условную «девочку из Рязани» собирают два раза. Таджикскому мальчику тогда тоже что-то перепадет. Фотографии же взрослых с тяжелейшими болезнями — это вообще глухой номер. Это нужно прекращать, но иначе общество, увы, пока не откликнется.

культура: Изменит ли что-то в вашей деятельности закон «О добровольчестве (волонтерстве)», принятый Госдумой в конце января?

Белановский: Безусловно. Он помог волонтерству в России, поставив его на твердые юридические рельсы. А вот дадут ли зеленый свет «локомотиву», будет зависеть от тех подзаконных актов, которые готовят в Минэкономразвития. В мае должны быть приняты типовые документы по этому закону. Ключевое слово там — «партнерство». Надеемся, что это исключит, наконец, дурную формулу, о которой я упоминал: «вам надо — вы и хлопотите».

Мечтаю на базе нашей Школы создать в Москве общегородской Центр поддержки социального волонтерства. Он должен заняться разработкой методик, подготовкой добровольцев и их групп, а также ежедневной «логистикой» — координацией. Благодаря закону открывается огромное поле деятельности. Теперь надо сделать так, чтобы на него вышли подготовленные жнецы.

культура: Как относятся к вашей помощи в медучреждениях?

В Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Да, уже с первых шагов начались творческие встречи-семинары с добровольцами. Из них сформировались программы по обучению начинающих, передаче им опыта. Мы поняли, что заниматься следует только с теми, кто уже вовлечен в процесс, а не просто зашел попробовать. В какой-то момент пришлось понимание того, что наш потенциал знаний и умений гораздо шире, чем имеющаяся сфера его приложения. И мы начали транслировать его вовне. Так и возникла Школа социального волонтерства. Это как бы наше второе лицо. Учатся в ней не только новички, но и многие представители других НКО и просто частные люди, которым это интересно. Мы создаем питательную среду для желающих помогать другим. У нас серьезные связи с коллегами из других регионов: Калининграда, Новосибирска, Республики Коми. Мы учимся друг у друга. А

в Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Да, уже с первых шагов начались творческие встречи-семинары с добровольцами. Из них сформировались программы по обучению начинающих, передаче им опыта. Мы поняли, что заниматься следует только с теми, кто уже вовлечен в процесс, а не просто зашел попробовать. В какой-то момент пришлось понимание того, что наш потенциал знаний и умений гораздо шире, чем имеющаяся сфера его приложения. И мы начали транслировать его вовне. Так и возникла Школа социального волонтерства. Это как бы наше второе лицо. Учатся в ней не только новички, но и многие представители других НКО и просто частные люди, которым это интересно. Мы создаем питательную среду для желающих помогать другим. У нас серьезные связи с коллегами из других регионов: Калининграда, Новосибирска, Республики Коми. Мы учимся друг у друга. А

в Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Как относятся к вашей помощи в медучреждениях?

В Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Да, уже с первых шагов начались творческие встречи-семинары с добровольцами. Из них сформировались программы по обучению начинающих, передаче им опыта. Мы поняли, что заниматься следует только с теми, кто уже вовлечен в процесс, а не просто зашел попробовать. В какой-то момент пришлось понимание того, что наш потенциал знаний и умений гораздо шире, чем имеющаяся сфера его приложения. И мы начали транслировать его вовне. Так и возникла Школа социального волонтерства. Это как бы наше второе лицо. Учатся в ней не только новички, но и многие представители других НКО и просто частные люди, которым это интересно. Мы создаем питательную среду для желающих помогать другим. У нас серьезные связи с коллегами из других регионов: Калининграда, Новосибирска, Республики Коми. Мы учимся друг у друга. А

в Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Да, уже с первых шагов начались творческие встречи-семинары с добровольцами. Из них сформировались программы по обучению начинающих, передаче им опыта. Мы поняли, что заниматься следует только с теми, кто уже вовлечен в процесс, а не просто зашел попробовать. В какой-то момент пришлось понимание того, что наш потенциал знаний и умений гораздо шире, чем имеющаяся сфера его приложения. И мы начали транслировать его вовне. Так и возникла Школа социального волонтерства. Это как бы наше второе лицо. Учатся в ней не только новички, но и многие представители других НКО и просто частные люди, которым это интересно. Мы создаем питательную среду для желающих помогать другим. У нас серьезные связи с коллегами из других регионов: Калининграда, Новосибирска, Республики Коми. Мы учимся друг у друга. А

в Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Да, уже с первых шагов начались творческие встречи-семинары с добровольцами. Из них сформировались программы по обучению начинающих, передаче им опыта. Мы поняли, что заниматься следует только с теми, кто уже вовлечен в процесс, а не просто зашел попробовать. В какой-то момент пришлось понимание того, что наш потенциал знаний и умений гораздо шире, чем имеющаяся сфера его приложения. И мы начали транслировать его вовне. Так и возникла Школа социального волонтерства. Это как бы наше второе лицо. Учатся в ней не только новички, но и многие представители других НКО и просто частные люди, которым это интересно. Мы создаем питательную среду для желающих помогать другим. У нас серьезные связи с коллегами из других регионов: Калининграда, Новосибирска, Республики Коми. Мы учимся друг у друга. А

в Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Да, уже с первых шагов начались творческие встречи-семинары с добровольцами. Из них сформировались программы по обучению начинающих, передаче им опыта. Мы поняли, что заниматься следует только с теми, кто уже вовлечен в процесс, а не просто зашел попробовать. В какой-то момент пришлось понимание того, что наш потенциал знаний и умений гораздо шире, чем имеющаяся сфера его приложения. И мы начали транслировать его вовне. Так и возникла Школа социального волонтерства. Это как бы наше второе лицо. Учатся в ней не только новички, но и многие представители других НКО и просто частные люди, которым это интересно. Мы создаем питательную среду для желающих помогать другим. У нас серьезные связи с коллегами из других регионов: Калининграда, Новосибирска, Республики Коми. Мы учимся друг у друга. А

в Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Как относятся к вашей помощи в медучреждениях?

в Москве «Даниловцы» входят в Союз волонтерских организаций и движение, а также в Благотворительное собрание «Все вместе».

Но я внесу поправку к сказанному, чтобы не возникло ощущения того, что для наших добрых дел позарез требуются какие-то специальные психологические знания, изощренные технологии. Нет достаточно личного сердечного движения и терпения. Любовь в сердце — самое главное. Когда наша волонтерка приходит в больницу, а к ней бежит маленькая пациентка с криком «Даша, я тебя ждала!» — вот это и есть самая суть.

культура: Получается, что вы формируете гражданское общество?

Белановский: Да, этот акцент для нас очень важен. Ведь зачастую волонтерство воспринимается только как помощь тем, кто в беде. Без сомнения, это важная составляющая. Но есть и другая, не менее ценная, часть — сами люди, которые пришли помогать. Речь идет о преображении души. И вот эту сторону часто не понимают чиновники, когда закрывают волонтерам дорогу. Хочется сказать им: «Вы не просто лишаете маленьких пациентов радости и, может быть, скорейшего выздоровления, но рубите на корню добрые устремления молодых людей, рушите их доверие к социальной сущности государства!» Доставший от советского прошлого чисто производственный подход «я лечу, а вы не мешайте» — далеко не самый лучший. Еще чиновники боятся, что волонтеры увидят какие-то нарушения, вынесут сор из избы. И все же тенденция эта переламывается — особенно активно последние лет пять. Например, вышло распоряжение пускать общественных в дом для умственно отсталых детей. Правда, психоневрологические интернаты до сих пор закрыты. А это аналоги тюрем: люди, без вины виноватые, живут за колючей проволокой совершенно бесправно. В некоторых из таких заведений есть карцеры.

Нам рассказывали, что как-то детей из такого специнтерната привезли в центр для творческих и развивающих занятий. Сотрудники подарили им воздушные шары, а они никак не реагируют. Оказывается, просто ни разу их не видели, не знают, что это такое. Потом эти дети ходили по комнате, заложив руки за спину, как в тюрьме... Сейчас готовится государственная реформа таких заведений, ведущая к их большей открытости, гуманизации. Я верю, что ситуация изменится. Как поменялась она, скажем, с усыновлением детей из детдомов. Сегодня для того, чтобы взять малыша в семью, придется за ним ехать на другой конец страны, а перед этим еще и в очереди подождать — так как «спрос».

В нашем обществе уровень недоверия к благотворительности еще очень велик. Идет «торговля эмоциями», сбор средств под портрет страдающего ребенка определенного типа. На Западе такого нет: там люди жертвуют лицензированной благотворительной организации — просто на всех детей, доверяя дальнейшему распределению средств. Но у нас на белокурую девочку из Рязани деньги дадут, а на под-

ростка-таджика — ни за что! Так что некоторые фонды под эту условную «девочку из Рязани» собирают два раза. Таджикскому мальчику тогда тоже что-то перепадет. Фотографии же взрослых с тяжелейшими болезнями — это вообще глухой номер. Это нужно прекращать, но иначе общество, увы, пока не откликнется.

культура: Изменит ли что-то в вашей деятельности закон «О добровольчестве (волонтерстве)», принятый Госдумой в конце января?

Белановский: Безусловно. Он помог волонтерству в России, поставив его на твердые юридические рельсы. А вот дадут ли зеленый свет «локомотиву», будет зависеть от тех подзаконных актов, которые готовят в Минэкономразвития. В мае должны быть приняты типовые документы по этому закону. Ключевое слово там — «партнерство». Надеемся, что это исключит, наконец, дурную формулу, о которой я упоминал: «вам надо — вы и хлопотите».

Мечтаю на базе нашей Школы создать в Москве общегородской Центр поддержки социального волонтерства. Он должен заняться разработкой методик, подготовкой добровольцев и их групп, а также ежедневной «логистикой» — координацией. Благодаря закону открывается огромное поле деятельности. Теперь надо сделать так, чтобы на него вышли подготовленные жнецы.

культура: Как относятся к вашей помощи в медучреждениях?

В Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Да, уже с первых шагов начались творческие встречи-семинары с добровольцами. Из них сформировались программы по обучению начинающих, передаче им опыта. Мы поняли, что заниматься следует только с теми, кто уже вовлечен в процесс, а не просто зашел попробовать. В какой-то момент пришлось понимание того, что наш потенциал знаний и умений гораздо шире, чем имеющаяся сфера его приложения. И мы начали транслировать его вовне. Так и возникла Школа социального волонтерства. Это как бы наше второе лицо. Учатся в ней не только новички, но и многие представители других НКО и просто частные люди, которым это интересно. Мы создаем питательную среду для желающих помогать другим. У нас серьезные связи с коллегами из других регионов: Калининграда, Новосибирска, Республики Коми. Мы учимся друг у друга. А

в Москве никто из медиков в здравом уме с такой просьбой не придет, если дорожит своим местом: вы просто не представляете, сколько средств выделится на одну больницу, на одно койко-место... В регионе проблема действительно есть. И мы готовы помочь.

культура: Кажется, «Даниловцы» — одно из немногих подобных движений, при котором действует постоянная Школа социального волонтерства?

Белановский: Думаю, что оно только зарождалось. В нашем деле ведь прямо по Евангелию «жатвы много, а делателей мало». Знаю, что представители околосударственных структур со мной не согласятся. Цифры-то наверняка правильные, только качество волонтерских отрядов, создаваемых с помощью админресурса, часто оставляет желать лучшего. На бумаге они есть, чем-то занимаются, но в больницах, на вокзалах, в тюрьмах мы их по-

Никита Трегубов:

«Рад, что Красноярск станет столицей мирового зимнего спорта»

Георгий НАСТЕНКО

Зимний сезон подходит к завершению. В следующем году главным спортивным событием станет Универсиада в Красноярске, подготовка к которой идет полным ходом. Пять лет назад Россия организовала в Казани лучшие в истории летние соревнования для студентов. Не приходится сомневаться, что и в феврале 2019-го зимние старты пройдут на высочайшем уровне. Серебряный призер Олимпийских игр в скелетоне Никита Трегубов рассказал «Культуре», что с нетерпением ждет масштабного форума в родном городе, а также вспомнил о своем выступлении в Пхенчхане.

культура: Вы будете задействованы в домашней Универсиаде?

Трегубов: В первой половине марта пройдут соревнования или тренировочные сборы, а в программе Универсиады скелетона нет. Но я рад, что Красноярск станет столицей мирового зимнего спорта. Надеюсь, наш город понравится всем гостям.

культура: Какие достопримечательности в первую очередь стоит посетить туристам?

Трегубов: ГЭС, заповедник «Столбы». Конечно, лучше приезжать летом, но они впечатляют в любое время года. Зимой живописно смотрится горнолыжный центр Бобровый Лог, в котором пройдут соревнования по многим видам спорта. Да и вообще Красноярск — очень интересный город, где старые

ФОТО: ВЛАДИМИР АСТАШКОВ/РИА НОВОСТИ

ФОТО: СЕРГЕЙ БОСЫПЕВ/ТАСС

ФОТО: СЕРГЕЙ БОСЫПЕВ/ТАСС

постройки органично сочетаются с ультрасовременными. А сибиряки, уверен, покажут знаменитое гостеприимство.

культура: В борьбе за победу в Пхенчхане Вас смог опередить только кореец Юн Сон Бин. Ему помогло доскональное знание домашней трассы?

Трегубов: Этот фактор всегда стоит учитывать. Но нельзя сказать, что для меня трасса в Пхенчхане была совсем не знакома. Я здесь раньше выступал на этапах Кубка мира. Основные особенности уже тогда для себя отметил. И по ходу олимпийских соревнований почувствовал, что полностью ее освоил.

культура: Отсутствие тренера сильно давило?

Трегубов: После каждого заезда звонил наставнику, рассказывал о своих ощущениях. Он мне советовал: «Ничего кардинально не меняй, можешь только ухудшить ситуацию». Более того, несколько российских специалистов по бобслею снимали заезды на видео и от-

правляли Анатолию Чельшеву. С ним в основном отработываем разбег. А прохождение по трассе обсуждаем с тренерами сборной Данилом Чабаном и Сергеем Чудиновым. С ними держал связь по телефону.

культура: Скелетон к заездам сами готовили?

Трегубов: Люблю работать над своим «аппаратом», вкладывать в него частичку души. С каждым годом осваиваю все новые операции — настройка, центровка... На полозьях, если они наезжают на мелкий камешек и даже песчинку, появляются зазубрины. Приходится наждачкой их выводить.

культура: Нервная обстановка сильно отвлекала?

Трегубов: Старался готовиться к каждому старту, ни на что не реагируя. Думал только о хорошем: о семье, о доме. Внутри сборной мы еще больше сблизились, это касается представителей разных видов спорта.

культура: Как складывались отношения с главными сопер-

никами во время Олимпийских игр?

Трегубов: С латвийцами Дукурсами нормально общаюсь. После финиша они поздравили меня с «серебром». Оба показали, что умеют проигрывать и держаться при этом достойно. С ними у меня никогда не было конфликтов. Подходил и глава латвийской федерации бобслея и скелетона, искренне поздравил и посоветовал не обращать внимания на то, что разные люди по-своему реагируют на ситуацию. А с отцом Дукурсов не поддерживаю контактов. Вернее, это у него со мной никаких отношений, а я себя веду соответственно тому, как ко мне относятся. Обычно, проходя мимо, он отворачивался.

культура: Вы с латвийцами по-английски разговариваете?

Трегубов: Нет, Дукурсы хорошо владеют русским. С остальными зарубежными коллегами стараюсь общаться по-английски, но уровень знания пока оставляет желать лучшего.

культура: Можете сравнить Олимпиаду в Пхенчхане с Вашими дебютными Играми в Сочи?

Трегубов: Очевидно, корейцам не удалось достичь уровня нашей Олимпиады. Современные технологии у них на высшем уровне, но азиаты не сумели создать той праздничной атмосферы, которая царила в Сочи. И для спортсменов по части инфраструктуры и бытовых удобств четыре года назад было лучше, чем сейчас.

культура: Ваш земляк Александр Третьяков пришел в скелетон из легкой атлетики. А Вы?

Трегубов: Совсем маленьким я ходил на карате, а вот футболом занимался уже более серьезно — с 3-го класса в школе красноярского «Енисея». В 9-м перешел в скелетон. Причем привел меня туда отец. На его решение, видимо, повлиял тот факт, что в футболе я больше сидел на скамейке, чем играл за основной состав. Вообще, к скелетону надо приобщаться в юном возрасте. Например, парню старше 20 лет, даже обладая идеальной скоростью разбега и координацией, гораздо труднее будет преодолеть страх, чем мальчишке школьного возраста.

Без быстрого бега, особенно стартового разгона, в нашем виде спорта на высоком уровне делать нечего. В скелетоне постоянно растет конкуренция не только по части качества «аппаратов» и их полозьев, но и разгона спортсменов на старте. В период беговой подготовки на 100-метровой дистанции не работаю. Больше на тридцатипятидесятиметровых. Но летом тренер на отрезках редко засекает время, поскольку пик физической формы планируется на февраль.

культура: Родители сильно переживали, глядя, на какой скорости несется по желобу?

Трегубов: Может быть, и волновались, но я об этом не знал. Серьезные травмы можно получить в любом виде. И скелетон считаю менее опасным занятием, чем, например, санный спорт. Потому что у нас центр тяжести находится ниже, и при падении на большой скорости можно получить ушибы, но сложные переломы — маловероятно.

Есть что ВСПОМНИТЬ

145 ЛЕТ НАЗАД Лев Толстой приступил к созданию романа «Анна Каренина». Впрочем, названия в ту пору еще не было. Существовал лишь замысел, о сути которого критики спорят и сегодня. Одни, апеллируя к дневникам жены писателя Софьи Андреевны, утверждают, что классик хотел раскрыть образ дамы «замужней, из высшего общества, но потерявшей себя... жалкой и не виноватой», добавляя, что «как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы... нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины».

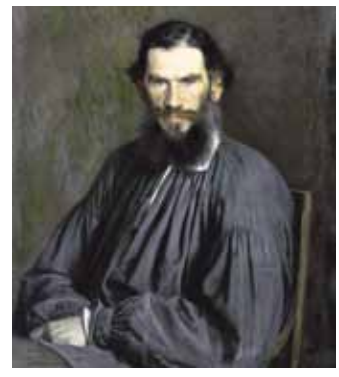

ФОТО: Э. КОСТИН/РИА НОВОСТИ

Вторые обращают особое внимание на ранние наброски произведения: судя по ним, Лев Николаевич выступает как обвинитель, а не защитник Анны.

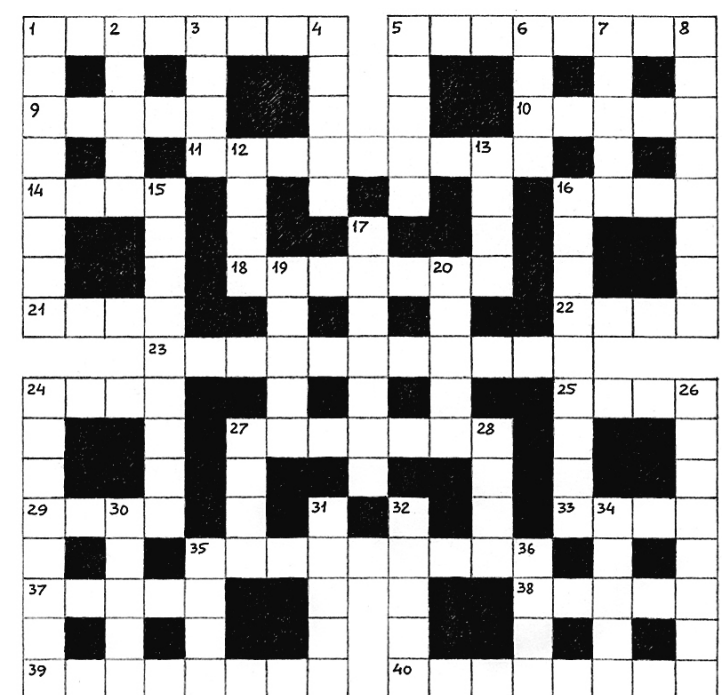
Правы и те, и другие. Работая над романом, автор много раз корректировал его «идеологию», фабулу, сюжет и при этом добровольно становился заложником собственного вдохновения, глубокой, всецело захватившей воображение рефлексии, а также некоторых реальных, пронесшихся перед глазами событий.

Приступить к написанию долго не получалось. Сдвинуть дело с мертвой точки помог случай, а точнее — пушкинская фраза, сработавшая как заклинание. «Я как-то после работы взял... том Пушкина, — признавался Толстой своему другу Николаю Страхову, — и, как всегда (кажется, седьмой раз), перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения... там есть отрывок «Гости собирались на дачу...» Я невольно, нечаянно, сам не зная, зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если Бог даст здоровья, через две недели».

Это письмо Толстой отправил весной 1873-го. Тогда он чересчур оптимистично оценивал перспективы «Анны Карениной» — в законченном виде произведение появилось не «через две недели» и даже не два года спустя. Отдельными частями роман печатался в «Русском вестнике» до апреля 1877-го, а в виде полного, трехтомного издания впервые увидел свет в 1878-м.

Сегодня «Анну Каренину» ставят на сцене, экранизируют и читают — вряд ли Толстой мог желать произведения лучшей судьбы. Отметим, что все чаще в центре обсуждения оказываются мужчины — Каренин, Вронский и Левин. Роман живет, и каждая эпоха находит к нему свой «ключ».

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 1. Популярный испанский певец, отец и сын. 5. Древнерусское холодное оружие. 9. Роль Н. Трофимова в фильме С. Бондарчука «Война и мир». 10. Персонаж комедии Э. Скриба «Стакан воды». 11. Легкий двухколесный экипаж. 14. Часть теннисного матча. 16. Воинствующий фарисей и гонитель христиан, ставший апостолом. 18. Набор для оказания первой медицинской помощи. 21. Одна из героинь романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». 22. Кинорежиссер, один из величайших представителей немецкого экспрессионизма. 23. Герой романа Ф. Рабле. 24. Крупа из крахмала. 25. Криминальный телесериал Ю. Харнаса. 27. Русский скульптор, автор памятника Тысячелетию России в Новгороде. 29. Персонаж пьесы А. Чехова «Вишневый сад». 33. Английская королевская династия. 35. Яблочный или грушевый бренди. 37. Советский актер, премьер Московского театра сатиры. 38. Темнохвойный сибирский лес. 39. Советская эстрадная певица. 40. Русский поэт, автор многих популярных в 1940–1970-х годах песен.

По вертикали: 1. Советская рок-группа, снявшаяся в фильме «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». 2. Хозяин леса в славянской мифологии. 3. «Левая нога» петровского солдата. 4. Российский писатель-фантаст, пишущий в жанре фэнтези. 5. Советский актер («Солдат Иван Бровкин», «Коммунист»). 6. Фильм Г. Панфилова с М. Ульяновым в главной роли. 7. Городская фигура. 8. Британская актриса («Гибель богов», «Ночной портье»). 12. Деревянная кадушка для приготовления теста. 13. Российская мелодрама, снятая Я. Чеважевским. 15. Город-гигант. 16. Советский и российский композитор и дирижер. 17. Испорительница главной роли в фильме «Дело было в Пенькове». 19. Американский кинорежиссер («Богатенький Ричи», «Мисс Конгениальность»). 20. Музей Средневековья в Париже. 24. Актер театра и кино, театральный режиссер. 26. Музыкант и певец, солист ВИА «Самозвезды» и «Пламя». 27. Взятка по старинке. 28. Немецкая певица, композитор и актриса. 30. Российский скрипач. 31. Итальянская оперная певица. 32. Французский коммунист-утопист. 34. Повесть Ю. Трифонова. 35. Основатель Русского драматического театра в Москве. 36. Самое главное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 3. Галин. 8. «Садко». 9. Лакей. 10. Чиповская. 11. Балл. 13. «Орифиэль». 14. Атеф. 18. Богданов. 19. Телеграф. 21. Латвия. 22. Баршай. 25. Шенгелая. 26. Мураново. 28. Сбор. 30. Карагез. 31. Хаев. 35. Полтинник. 36. Рабле. 37. Руффо. 38. Вырий.

По вертикали: 1. Бахча. 2. Дочь. 3. Гиперион. 4. Левшин. 5. Николаев. 6. Клар. 7. Шенье. 12. Лагутенко. 15. Терешкова. 16. Фарисей. 17. Деканат. 18. Беляш. 20. Фейдо. 23. Данаилов. 24. Буденный. 27. Калибр. 29. Банан. 32. «Енуфа». 33. Ялет. 34. «Икра».

В следующем номере:

Владислав Третьяк: «Благодаря победе хоккеистов от Олимпиады осталось ощущение праздника»

Эксклюзивное интервью главы ФХР — «Культуре»

ФОТО: ЕЛЕНА РЫЖОВА/ТАСС